

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

WID-LC
PG
3948
K 856
M5
x
1843
ch. 1

HARVARD COLLEGE LIBRARY

From the
WASYL KYJ FAMILY UKRAINICA BOOK FUND
established in 1978

0.
24
39
K
15
2
8
-h

P
3
4
1
<
8
17

МИХАЙЛО ЧАРНЫШЕНКО

ИЛИ

НАДРОССІЯ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Сочиненіе П. Кульша.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КІЕВЪ.

1843.

3745 105

Трудовой Милосердия
Муско

В знак выбора норматива
и исключительной ответственности

Вручен

1844 года,
февраль 3.
Киев.

МИХАЙЛО
ЧАРНЫШЕНКО.

I.

МИХАЙЛО ЧАРНЫШЕНКО

ИЛИ

НА ДОРОССІЯ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЛЕТЬ НАЗАДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ

Н. КУЛЬША.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КИЕВЪ.

въ Университетской типографіи.

1843.

WID-LC

PG

3948

. K 856

M 5

X

1843

[ch. 1]

✓

KULISH

=

" M. CHARNYSHENKO

1//

KYJ FAMILY BK. FD.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурамъ Комитетъ указанное число экземпляровъ. Кіевъ. 1849 года, Сентября 21 дня.

Цензоръ, А. Одетовъ-Чуховскій.

ПРИМЪЧАНІЕ.

При чтеніи иллороссійскихъ писемъ и выраженій, встрѣчающихся въ этомъ сочиненіи, букву ѣ должно выговаривать какъ русское и, букву е—какъ латинское h, буквы d, c, k, s—какъ русское м, а и безъ знака—почти такъ какъ русское и.

Не есть се, навѣс, по Черному морю ома истава,
А есть се—ново отцѣська и матерѣська молитва карае!

Отцы бы то, навѣс, грѣба людей поважи,
Павога и павидику добре павовати;
Во который чоловѣкъ тѣс уроблѣ,
Повѣкъ той счастье собѣ мае,
Смертельный мечъ того минѣе:
Отца и матчина молитва эд дна моря вынѣе,
Одъ грѣбѣъ смертельныхъ душу одуплѣе,
На волѣ и на морѣ на пбѣдѣ помѣе!

Изъ старинной народнои думѣ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ условнаго числа экземпляровъ. Кіевъ.
1849 года, Сентября 21 дня.

Цензоръ, А. Бодомовъ-Чеховскій.

П Р И М Ъ Ч А Н І Е.

При чтеніи идиороссійскихъ словъ и выраженій, встрѣ-
чающихся въ этомъ сочиненіи, бузвѣ ъ должно выговари-
вать какъ русское и, букву ѣ—какъ латинское h, бузвы d,
e, a, b—какъ русское и, а и безъ знака—почти такъ какъ
русское и.

На есть се, павбсе, но Черному морю елла истабѣ,
А есть се—мене отцѣсска и матерѣсска молитва кара!

Отпѣтъ бы то, павове, грѣба людей повемати,

Павотца и павиматиу добре павовѣтъ;

Ео котормѣ человекѣ тѣе уроблѣ,

Повѣтъ той счастье собѣ насъ,

Смертальмѣ мѣтъ того мнѣе:

Отцѣва и мѣтъина молитва ебъ два мѣбра вымѣе,

Одѣ грабѣе смертальмѣ душу адмѣуе,

Ща мѣтъ и на мѣръ на мѣмѣтъ помѣе!

Изъ старинной народной думки.

МИХАЙЛО ЧАРНЫШЕНКО

ИЛИ

МАЛОРОССІЯ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Лѣтъ восемьдесятъ назадъ Малороссія жила еще своею жизнью. Ея воспоминавія, интересы, обычаи, костюмы, образъ жизни и поэзія были чисто народныя. Помнили еще тогда Шведовъ и Мазепу, который теперь сталъ какимъ-то темнымъ

1

мнею для простолюдиновъ; говорили о гетманѣ Дорошенкѣ и даже о Богданѣ Хмельницкомъ, — имена, утратившія теперь уже свой смыслъ и безответно для сердца звучащія въ замирающихъ съ каждымъ годомъ историческихъ пѣсняхъ. Запорожская Сѣчь еще существовала, и увидать вдругъ на какой-нибудь ярмаркѣ десятковъ красныхъ жупановъ, съ саблями и дорогими люльками, танцующихъ *на чудо* козачка и усталающихъ слѣдъ свой пятаками, было совсѣмъ не *ex diocesi*.

Правда, разгулъ козачества выражался не въ такихъ уже широкихъ размѣрахъ, какъ, напримѣръ, бывало вѣчной памяти за славнаго гетмана Богдана или за «великаго воина» Палѣя, а пань наши давно уже потеряли свою національную гордость; но народъ былъ еще живъ чувствомъ любви къ родному, еще звучали въ немъ отголоски струнъ, настроенныхъ на такой торжественно-высокій ладъ славными витязями Ураины въ теченіе двухъ вѣковъ; и если посреди праздничной сродки являлся странствующій старикъ съ бандурою въ

рукахъ, онъ не имѣлъ недостатка въ слушателяхъ. Онъ пѣлъ о томъ,

Якъ у вѣщої у славої Українѣ
Бували коли-сь прештрашми злѣгоднї, бедомой годнми,

и пѣсни свои дополнялъ разказами; и не одинъ разъ восторженная рѣчь его прерываема была буйными восклицаніями воспламененной молодежи и почтена дѣвичьими слезами.

Въ образѣ жизни, въ костюмахъ, въ разговорахъ, въ рваніяхъ и обычаяхъ, Малороссія за восемьдесятъ лѣтъ до насъ была еще тою, которую «батько козацкій» Богданъ Хмельницкій называлъ *своею милою Украиною*, за которую воевали Богунъ, Нечай, Золотаренко, Самко, гетманъ Петро Дорошенко и «великій воиць» Палѣй Семенъ.

Не много, кажется, лѣтъ прошло со времени послѣдняго гетманства, но между тѣмъ какъ измѣнилась Малороссія! Еслибы мы могли перенестись въ тѣ времена, насъ окружилъ бы совсѣмъ иной міръ. Въ цѣлой *країнѣ* мы не встрѣтили бы ни одного

фрака, который из осанистаго малороссійскаго пана дѣлаетъ такую странную фигурку, что тогда называли ея просто—*непристойною*; не встрѣтили бы ни одного чепчика и шляпки, изъ-подъ которыхъ выглядываютъ совершенно противорѣчащія наряду фюзіонимы. Мы увидѣли бы жупаны превосходные, съ широкими гаптованными золотомъ поясами, къ которымъ прившены перешедшія чрезъ цѣлыя поколѣнія сабли; увидѣли бы роскошныя женскія кунтуши—штофные зеленые, полутабенковые желтые, грзетовыя голубыя, обложенныя серебрянымъ и золотымъ газомъ, съ бархатными и парчевыми закладками; разноцвѣтныя реброны штофу *пакетною великой руки по бѣлому калавацу*; люстринныя шнуровки ¹ съ золотыми сѣтками; блестящія карабка; убранныя цвѣтами головы, и прочая, и прочая ². Все это освящено было давнымъ, съ незапамятныхъ временъ, употребленіемъ и шло къ лицу нашимъ предметамъ такъ точно, какъ Турку чалма или Черкесу бурка. Прибавьте еще къ этому, что тогда у насъ говорили совсѣмъ не тѣмъ варварскимъ языкомъ, какимъ гово-

рять теперь, по большей части, Малороссіане, забывшіе языкъ своихъ дѣдовъ и не научившіеся порусски; прибавьте еще единственные во всемъ мірѣ по своему поэтическому достоинству малороссійскія пѣсни, вспомните дивную исторію Малороссіи, эту поэму-исторію, которая какъ героическая рѣзня легла на скрыжалыхъ міра,—и вы не можете не призадуматься надъ судьбою этого необыкновеннаго народа, который явился чудеснымъ образомъ, какъ роскошный цвѣтокъ посреди враждебныхъ для него стихій, блеснулъ необычайнымъ блескомъ славы, далъ знать о себѣ цѣлому свѣту; но недостало въ немъ силъ для его кипучей жизни, и онъ склонилъ голову преждевременно, онъ исчезъ, какъ сверхъестественный призракъ, почти передъ нашими глазами. Для васъ воспоминаніе объ немъ должно имѣть особенную цѣну; для васъ и послѣдній листокъ изъ исторіи такого дивнаго феномена долженъ быть въ высокой степени интересенъ.

Посмотримъ же, какъ жилъ и чувствовалъ этотъ народъ при концѣ самостоятель-

наго бытія своего, взглянемъ на печаль-
ные слѣды старосвѣтскаго его быта, за-
помнимъ его пѣспы, прислушаемся къ род-
нымъ его преданіямъ; не отзовется ли намъ
и въ этихъ, уже бѣдныхъ, останкахъ роскош-
наго мнувшаго голосъ древней, могу-
чей и чудной его жизни, которая вѣкъ
останется предметомъ важнаго изученія для
этнолога и высокаго восторга для поэта.

Ровно за восемьдесятъ лѣтъ назадъ, въ
однѣ изъ прекраснѣйшихъ майскихъ вече-
ровъ, — какихъ теперь, по увѣренію старыхъ
людей, уже не бываетъ, — глуховской³ пол-
ковой судья, съ бутылкою и серебрянымъ
кубкомъ въ рукахъ, провожалъ за ворота
своего дома какого-то далекаго гостя.

Суровъ и непріятель съ виду былъ этотъ
гость, хотя, по видимому, старался казаться
любезнымъ. Но что судья за дѣло до
его выкатившихся жидовскихъ глазъ и не-
пріятнаго выраженія губъ? Онъ кланяется
не ему, а богатому его жупану съ золотымъ
поясомъ. А жупанъ на гостя быть такой,
въ какомъ не всякій и изъ *сильможныхъ*
*пановъ*⁴ показывался передъ козаками: отъ
верху до низу окаймленный дорогимъ гап-
тованьемъ, густо унизанный по разрѣзамъ
мелкими пуговницами, весь усыянный тка-
ными по матеріи цвѣтами, которые, пере-

плетаюсь между собою съ безконечнымъ разнообразіемъ, представляли, при тускломъ свѣтѣ вечерняго неба, тысячи атласныхъ переливовъ.

За воротами ожидали его два конные козака, изъ которыхъ одинъ былъ одѣтъ позапорожски. Сѣлъ на коня, богатый гость выпилъ поднесенный ему судьей, по тогдашнему обычаю *на дорогу*, кубокъ вина, еще разъ обнялся съ хозяиномъ, общалъ опять быть скоро въ гости и отъѣзжалъ со своимъ конвоемъ тихо, какъ бы съ намѣреніемъ пошеголять гордою поступью своего превосходнаго коня.

Медленными шагами воротился полковой судья домой, сѣлъ и опустилъ внизъ голову. Видно было, что его занимала какая-то трудная дума. Нѣсколько минутъ пробылъ онъ въ этомъ положеніи, наконецъ выразилъ результатъ своихъ размышленій такими словами:

— Полковникъ, бригадиръ, знатенъ, богатъ, а всѣ-таки жидъ!

— Кто жидъ? спросилъ сидѣвшій въ той же комнатѣ молодой козакъ, котораго обликъ сквозь сумракъ вечера видѣлся только въ неясныхъ очеркахъ.

— А и ты здѣсь, Михайло? сказалъ судья: — Надобно жъ было тебѣ до сихъ поръ не озываться! Испугалъ меня такъ, что совѣстно сказать. А почему это не подана еще свѣчка?

— На что вамъ, дядюшка, свѣчка? Еще несовсѣмъ стемнѣло на дворѣ, а черезъ минуту засвѣтитъ въ окна козацкое солнце. Вотъ оно уже выглядываетъ изъ-за Коллегіи.

— Козацкое солнце любятъ только мертвецы да утопленники, отвѣчалъ судья, который, видно, не читалъ ни одного трогательнаго воззванія къ лунѣ: — а доброму человѣку днемъ нужно настоящее солнце, а ночью огонь.

— Хорошо, я принесу вамъ свѣчку, только скажите мнѣ напередъ, о комъ это вы говорите: полковникъ, да жидъ?

— Можешь и самъ догадаться, о комъ. Кто жъ у насъ больше жидъ, если не Крыжановскій?

— Это, дядюшка, пустая выдумка; это одна зависть и злоба: конечно, нашей старшинъ его бригадирскій чинъ—какъ щелчокъ по носу!

— Бригадирскій чинъ! сказалъ судья съ презрѣнiемъ:— Что жъ значить московскій бригадиръ передъ нашимъ полковникомъ? Имѣетъ ли онъ хоть десятую часть той важности и власти, что нашъ полковникъ? Эхъ, вы молодежь, молодежь! переведете вы и остатокъ Малороссiи, когда она достанется вамъ въ руки послѣ нашей смерти... Бригадирскій чинъ! Вспомни гетмана Бруховецкаго: тотъ одурѣлъ отъ московскихъ пирровъ и обрадовался, что его сдѣлали бояриномъ. Гетмана бояриномъ!... Ха-ха! Нужно жъ было придумать такую хитрую узду на завятаго Запорожца! Ну, не будь я полковникъ судья, если и Крыжановскому обойдется даромъ его бригадирскій чинъ!

— Будущее никому не извѣстно, а что онъ завербовалъ свой полкъ....

— Чтобъ его чортъ взялъ съ его полкомъ! прервалъ судья:—эта проклятая вербунка разорила всѣ наши канцелярiи. Иной еще вчера сидѣлъ за перомъ, сегодня смотри—уже надѣтъ красный обрончикъ и знать тебя не хочетъ. Что и говорить! Проходить прежнiя времена. Нетакъ было въ Глуховѣ, когда мой дѣдъ былъ генеральнымъ судьей! Миръ его памяти! Глуховъ вѣчно долженъ помнить Животовскаго, который спасъ его отъ стотысячной армiи польской.

— Что жъ вы находите дурнаго въ этой вербункѣ? сказалъ Михайло, который не имѣлъ еще надобности для своего утѣшенiя оглядываться на прошедшее:—Новый Царь засыпаетъ листы, обѣщаетъ милости; молодому народу скучно сидѣть дома, вотъ онъ и идетъ искать счастья. Да развѣ у насъ въ первый разъ вербунка?

— Не въ первый, однакожъ нѣкто не за-

помнить, чтобы когда-нибудь хоть вполвну поднялось так много молодежи. Как будто самъ чортъ ннжетъ эти пустыя головы на веревочку и ведетъ до Петербурга.

—Значитъ, козацкій духъ еще силенъ въ Малороссіи! Только прошла по городамъ вѣсть о войнѣ, всѣ готовы драться не только съ Голштинцами, да хотъ съ самимъ сатану!

—Козацкій духъ, братку, не носить красныхъ обрончковъ, и не ходитъ на край свѣта воевать, не зная самъ противъ кого. Дѣдъ мой, генеральный судья Животовскій, не надѣвалъ на шею обрончика, а такъ славно попотчивалъ подъ Глуховомъ Ляховъ съ ихъ *крулем* Яномъ Казимиромъ, что и теперь еще, я думаю, бока болятъ. Вотъ что называется козацкимъ духомъ, такъ-такъ! Можетъ, по-твоему и то козацкій духъ, что и Крыжановскій, для своихъ жидовскихъ барышей, навербовалъ полкъ дармоѣдовъ?

—Не смѣйтесь, дядюшка, такъ надъ Кры-

жановскимъ: Жидъ онъ или Турокъ, а что Царь къ нему милостивъ, это всѣмъ извѣстно; и кто знаетъ, чѣмъ еще онъ воротится изъ Петербурга?

—Воротится все тѣмъ же жидомъ, какъ икъ туда пойдетъ. Что изъ жиды можетъ выдти добраго, въ какую вѣру его на поверия? Не даромъ сказано: *Жиды перекрести, да и голоу одотии*. А Царь московскій Иванъ Мучитель, спасибо ему, и сыгралъ таки надъ ними штуку по этой пословницѣ. Собралъ ихъ нѣсколько тысячъ, связалъ имъ руки и ноги и, когда они принуждены были сказать, что вѣруютъ въ Бога Отца и Сына и Святаго Духа, въ ту жъ минуту велѣлъ побросать всѣхъ ихъ въ воду*. Такъ бы надобно было сдѣлать и съ нашимъ Крыжановскимъ, когда его окрестили. Однакожъ, братку, мимо всего этого, ты что-то крѣпко за него вступаешься. Не завербовалъ ли онъ и тебя въ свою ватагу?

—А что жъ, хотъ бы и такъ? Не буду ни у кого спрашиваться.

— Не будешь ни у кого спрашиваться! Эге, козаче! Видно жь, тебя плохо учили въ Переясловской семинаріи, когда ты закидаешь старымъ людямъ такіе крючки!... Впрочемъ, ты это говоришь мнѣ: я конечно человекъ смирный; но я ставлю Богъ знаетъ что, еслибъ ты такъ же смѣло сказалъ это и моему дѣду! Правда, онъ былъ судья генеральный, но вѣдь и мнѣ жь не вѣкъ быть полковымъ.

— Готовъ я объявить это передъ всѣми генеральными судьями, какіе были отъ Хмельницкаго до Разумовскаго, и знаю, что ни одинъ изъ нихъ не отсоветовалъ бы мнѣ мѣнять перо на саблю.

-- Хорошо сказано. Это не худобъ хоть бы и твоему панотцѣ приписать въ своихъ исторіяхъ. Но всему видно, что ты потомокъ удалаго полковника Гладкаго. Только, братику, тебѣ уже не воевать такъ, какъ воевалъ прадѣдъ твоей покойной матери, за старога Хмельницкаго. Твоя война на бумагѣ.

— А можетъ-быть мнѣ суждено воевать еще лучше Гладкаго. Завтра же ѣду до обозу Крыжановскаго!

— Ова! сказалъ судья засмѣявшись.

— Какъ-то *овад*? спросилъ съ досадою Михайло.

— Такъ, что до обозу Крыжановскаго ты поѣдешь развѣ во снѣ.

— А почему жь бы это такъ?

— Потому, что это говорить одинъ только молодой Чарнышенко, а еще не извѣстно, что скажетъ старый Чарнышъ.

— На доброе дѣло ни одинъ отецъ не откажетъ въ благословеніи сыну.

— Такъ бы и мнѣ казалось, братику, да ба!

— Конечно не откажетъ. Было время, когда онъ желалъ видѣть меня лучше въ

Коллегія, чѣмъ на конѣ; а теперь я уже не дѣтя. Пришла и моя пора посмотреть на Божій свѣтъ немножко подальше Глухова.

—Что и говорить! отвѣчалъ судья:—разсказалъ, какъ размазалъ, *да ба!* Вся это проклятое *да ба* мѣшаетъ. Не большое оно и слово: *добро-азъ-да, буки-азъ-ба—да ба!*; ну, да пойдѣ жъ ты съ нимъ: не дасть дозану ѣхать до обозу!

Разсерженный холодными противорѣчїями старика, Михайло всталъ и, не говоря ни слова, хотѣлъ выдти.

—Постой, Михайло, сказалъ судья:—Не сердись ты на меня старика и послушай, что я тебѣ скажу. Дѣдъ мой, генеральный судья, котораго заслуги знаетъ вся Украина, часто бывало говорить намъ малымъ дѣтямъ: *Не сотвори зла за блага.* Не худо бъ и тебѣ, Михайло, взять это себѣ въ голову. Что намъ съ тобою не видать Голштинцевъ, за это я ручаюсь. Пожалуй, не бѣда провздаться такому вертуну какъ ты въ Воронежъ: въ дорогѣ, говорятъ, чело-

вѣкъ становится умнѣе. Кланяйся жъ тамъ своему панотцу отъ меня и скажи, что я напередъ зналъ, какъ онъ приметъ твою просьбу. Но главное, не выпускай ты пожалуйста изъ головы наставленїя моего покойнаго дѣда, генеральнаго судьи, который, вѣрно, былъ человекъ не безъ толку, когда такъ хорошо поколотилъ Лиховъ. Ты уже знаешь, кажется, характеръ своего отца: съ нимъ надо говорить умнѣючи. А еслибъ ты задумалъ и ему отрѣзать такъ какъ мнѣ, не знаю, какъ бы ты отъ него убрался! *Не сотвори зла за блага.*

божился, что любишь больше всего на свете?

ГЛАВА II.

Занятый одною мыслию, Михайло ходилъ взадъ и впередъ по узкой галереѣ дома полковаго судьи и не замѣчалъ дѣвушки, которая стояла неподвижно, прислонясь къ одному изъ тонкихъ столбиковъ галереи, и при свѣтѣ мѣсяца казалась какинъ-то видѣніемъ.

—Уже ты и не видишь меня, Михайло! сказала она съ укоризною:—а давно ли

Михайло остановился и молча взялъ ее за руку. Онъ слышалъ ее упрекъ, но погруженный въ честолюбивые расчеты, предположенія и планы, не могъ вдругъ возвратиться на прежнюю дорогу своихъ мыслей, не находилъ, что отвѣчать на нѣжный упрекъ подруги, и какъ бы ожидалъ, пока сами собою разойдутся тучи думъ, обступившія его голову.

Это была дочь почтеннаго полковаго судьи Животовскаго. Вообразите себѣ дѣвушку въ цвѣтѣ юности, стройную, съ роскошно развитыми членами, съ лицомъ, полнымъ игры и смѣху, но вмѣстѣ и съ печатью какой-то томности, какого-то легкаго унынія, — съ челомъ бѣлымъ, греческой формы, — съ высокими длинными бровями, перегнувшимися въ обѣ стороны, какъ радуга надъ кринницею. Въ ея очахъ видна душа нѣжная, любящая глубоко и вѣчно; въ ея голосѣ выливаются звуки, проникающіе въ сердце; во всѣхъ ея чертахъ напечатлѣно

особенное, ни у одного народа не встрѣчаемое выраженіе, которое свойственно только Украинкѣ, проникнутой духомъ поэзіи своихъ волшебныхъ вымысловъ, своихъ вѣрованій и ни съ чѣмъ несравненныхъ пѣсенъ. Такова была дочь полковаго судьи Катерина, которой не исполнилось еще и семнадцати лѣтъ, а уже пышно разцвѣла какъ роза, уже не одинъ знатный старшина, развеселясь за старосвѣтскимъ серебрянымъ кубкомъ меду, напоминалъ судью обняками о своемъ сынѣ и богатствѣ, хвалилъ мимоходомъ пріятливость и тихій нравъ Катерины.

Но полковой судья слушалъ эти намеки однимъ только ухомъ и отвѣчалъ на нихъ воспоминаніями о своемъ славномъ предкѣ. Онъ давно уже рѣшилъ судьбу Катерины. Недалеко отъ Глухова, въ мѣстечкѣ Воронѣжкѣ, жилъ его старій и неизмѣнный другъ сотникъ Чарнышъ. Съ давнихъ временъ, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, велась тѣсная пріязнь между Чарнышами и Животовскими. Родъ Чарнышей оканчивался теперь сыномъ воронѣжскаго сотника Михайломъ;

родъ Животовскихъ—дочкою полковаго судьи Катериною. Старпки положили между собою—соединить двѣ одновокія вѣтви древнихъ фамлій въ одно поколѣніе, и полковой судья считалъ это соединеніе тѣмъ священнѣйшимъ, что дѣдъ его, генеральный судья, котораго онъ уважалъ почти такъ же, какъ древніе Греки своихъ героев—полубоговъ, былъ, какъ нарочно, въ самой тѣсной дружбѣ съ дѣдомъ Чарныша, генеральнымъ хорунжимъ.

Михайло служилъ въ Коллегіи и жилъ въ домѣ судьи, какъ *свой*. Онъ любилъ Катерину не по внушенію той огненной, симпатической, непреодолимой страсти, которая такъ нравится романистамъ, а единственно потому, что, живя въ одномъ домѣ съ прелестною дѣвушкою и находясь ежедневно въ близкхъ съ нею соотношеніяхъ, очень естественно можно почувствовать къ ней иъжнюю привязанность, которая современемъ легко переходитъ и въ постоянную любовь; и хотя намъ пріятно приписывать чувство душевной склонности назначенію судьбы, таинственному средству душъ и прочая,

однакожь, выкинувши внимательно, нельзя не согласиться, что это сродство душъ есть тоже, что и сродство огня съ порохомъ.

Катерина любила Михайла всѣмъ своимъ дѣйственнымъ сердцемъ за его смѣлую и энергическую душу, за его живой, выразительный взглядъ и благородную наружность; однимъ словомъ, за то, что онъ былъ козакъ; а козакъ, въ Малороссіи, кромѣ извѣстнаго своего историческаго значенія, значить еще—красавецъ, удалецъ.

Все шло своимъ порядкомъ. Катерина начинала уже наполнять «кованную» свою скриню. Михайло покорялъ славолюбивыя свои мечты воображаемымъ удовольствіемъ семейной жизни. Какъ-вдругъ прояслась вѣсть, что на престолъ вступилъ новый Государь Петръ III, и вслѣдъ за тѣмъ появились во всей Малороссіи самые лестные для молодыхъ людей зазывы въ военную службу противъ Даніи за область Шлезвигъ, которая изстаря принадлежала Голштинъ-Готторпскому дому и была присвое-

на датскимъ королемъ въ началѣ восемнадцатаго вѣка.

«Юношество здѣшнее всѣхъ сословій и «состояній, говорить современный летописецъ, архіепископъ Ковинскій,—какъ бы «волшебною силою возшумѣло и поднялось «птичьимъ полетомъ съ полудня на сѣверъ.

Эта «волшебная сила» не миновала и Михайла. Его душа вострепелась, подняла крылья, и онъ весь загорѣлся жаждою битвы и славы. Всѣ козацкія пѣсни, всѣ рассказы и преданія о старорусскихъ войнахъ, слышанные имъ въ дѣтствѣ, воскресли въ его памяти разомъ и представили горячему его воображенію воинскій бытъ козаковъ въ очаровательныхъ картинахъ. Самая смерть на полѣ чести казалась ему восхитительною. Онъ съ восторгомъ повторялъ окончательный куплетъ одной изъ древнихъ героическихъ пѣсней Малороссіи:

Поляга козацка молодцаго голова,
Якъ едъ итру на степу трава;
Сила не вѣра, не сила,
Димаретко козацка славою росла!

Онъ искалъ только случая и средства, какъ бы лучше выполнить свое намѣреніе; и въ это самое время, какъ на бѣду, явился въ Глуховѣ полковникъ гадачскій Крыжановскій, вербовавшій особый полкъ для той же войны за голштинское наследство.

Чтобъ дать читателю нѣкоторое понятіе объ этомъ новомъ лицѣ, которое тоже отчасти войдетъ въ мое сказаніе, достаточно, кажется, будетъ, если я приведу мнѣніе объ немъ автора *Истории Руссовъ* *. Онъ жилъ въ тѣ времена и могъ знать Крыжановскаго лично.

«При всѣхъ необыкновенныхъ явленіяхъ, пишетъ этотъ почтенный бытописатель Малороссіи, — обыкновенно почти являются и характеры народныя, или ихъ склонности. Такъ, напримѣръ, при охотѣ къ военной службѣ Малороссіянъ, открылась охота іудейская къ подродамъ. Однѣ изъ Евреевъ полковникъ гадачскій Крыжановскій, природный жидъ, а свѣжій перехристъ, всегдашними арендами и откупамъ своими дошедшій богатствомъ до

чина полковника, увидѣвъ необычайный успѣхъ при вербункѣ голштинцевъ *, тотчасъ взялся за рядъ и отозвался о томъ къ Государю, обѣщая поставить ихъ цѣлый полкъ конный на своемъ иждивеніи, «а изъ царской дщиреціи. Государь, уважая усердіе Крыжановскаго, но не зная его счетовъ, въ которыхъ, по совѣсти іудейской, непременно поставялъ онъ всякій обрончикъ вчетверо дороже его цѣны, прозвелъ Крыжановскаго на первый случай бригадиромъ. А онъ дѣйствительно изъ козацкихъ дѣтей своего полку, «а изъ стадниковъ и чабановъ заводскихъ и всякой другой сволочи сформировалъ было полкъ, такъ называвшійся «Подцоболдинскій» *.

Полковой нашъ судья зналъ Крыжановскаго еще съ тѣхъ поръ, когда онъ, явившись въ Малороссію незнать-откуда, вдругъ сдѣланъ былъ сотникомъ; но они однѣ въ другомъ не искали: гордость происхожденія и гордость богатства дѣлили ихъ всякой разъ, какъ они гдѣ-нибудь встрѣчались. И потому онъ не могъ не призаду-

маться надъ истолкованіемъ себѣ вопроса; что могло заставитьъ Крыжановскаго, теперь уже полковника и бригадира, известнаго самому Царю, явиться къ нему со всею низколоклонностью и искательствомъ, какія онъ оказывалъ только передъ царскими вельможами?

Но долгихъ размышленіяхъ, соображеніяхъ и догадкахъ, рѣшилъ онъ наконецъ такъ: что, видно, Крыжановскій теперь только узналъ, отъ кого происходитъ полковой глуховской судья, и считаетъ себѣ за честь вести знакомство съ потомкомъ знаменитаго Животовскаго, прославившагося девятинедельною защитою глуховской крѣпости противъ стотысячной польской арміи, въ тысяча-шесть-сотъ-шестьдесятъ-четвертомъ году.

Добродушный старикъ однакожъ ошибся въ своей догадкѣ. Этому была совсѣмъ другая причина. Крыжановскій съ наружнымъ и внутреннимъ своимъ безобразіемъ соединялъ ненасытное сластолюбіе и, для удовольствія этому презрительному чувству, не

падалъ ни денегъ, ни имени, ни даже безопасности. На вслкую красоту онъ смотрѣлъ глазами фауна, а обладая множествомъ средствъ, губилъ свои жертвы разными обольщеніями, коварствами и насиліями. Эта гнусная страсть привела его и въ домъ судьи. Катерина, при всѣхъ своихъ роскошныхъ прелестяхъ, не могла назваться чудомъ красоты; были и въ самомъ Глуховѣ дѣвушки красивѣе ея, ибо тогда лицъ и здоровья еще не портили приличія и узкіе корсеты. Но пресыщенный человекъ не имѣетъ вѣрнаго вкуса и часто только мѣрою препятствій опредѣляетъ цѣну своимъ наслажденіямъ.

Увидѣвъ ея полное жизни лицо съ невыразимо-многою пріятностью и какою-то страстною теплотою во взорахъ, ея шею, бѣлую и гибкую какъ у лебеди, и еще пѣкнѣйшую возвышенность пышной груди, полузакрытой золотою сѣткою шнуровки, онъ загорѣлся желаніемъ овладѣть этою сѣжею, едва развернувшюся розою. Его схватилъ тотъ припадокъ страсти, который въ людяхъ чувственныхъ, и притомъ свое-

правныхъ, бываетъ такъ же непреодолимъ, какъ и порывъ любви истинной въ людяхъ съ душою благородною. А привычки ни въ чемъ не отказывать своимъ желаніямъ, онъ тотъ же часъ приступилъ и къ выполнению своего плана.

Первымъ дѣломъ его было—удалить изъ Глухова Михайла, котораго значеніе въ домѣ судилъ онъ отгадалъ съ перваго взгляду. Это удалось ему такъ легко, какъ онъ и самъ не общалъ себя. Михайло былъ уже полонъ самыхъ горячихъ думъ и мечтаній; недоставало только вѣтру, который бы подулъ и обнаружилъ таившіяся въ немъ чувства. Крыжановскій подошелъ въ самую пору, такъ что послѣ пятиминутнаго разговора, межъ ними было кончено все. Прельщенный фальшивыми обѣщаніями Крыжановскаго, который въ жару своемъ принялъ за чистое золото, Михайло совершенно утонулъ въ какомъ-то чаду. Въ его душѣ явился чувства, дотогѣ ему неизвѣстныя. Всѣ умственные способности его пришли въ необычайное движеніе. Онъ не чувствовалъ на себѣ тѣла, не видѣлъ земли подъ собою. Ка-

кая-то всепобѣждающая сила, казалось, поднимала его вверхъ и заставляла летѣть впередъ какъ бомбу.

Въ такомъ состояніи былъ онъ въ описываемый мною вечеръ, когда вдругъ слова Катерины, такъ неожиданно и совершенно въ разладъ съ его настроеніемъ, поразилъ слухъ его.

Онъ стоялъ передъ нею молча и будто выходилъ мало-помалу изъ какого-то обмороку. Но полными слезъ глазами смотрѣла Катерина на своего Михайла, который на этотъ разъ какъ-будто умеръ для нея: глядѣлъ на нее и не видѣлъ, держалъ ее за руку и не замѣчалъ ея присутствія.

—Что ты думаешь, что ты замыслишь? сказала наконецъ она, сказавши его за обѣ руки и глядя ему въ очи:—Михайло! милый, коханный Михайло! развѣ ты не видишь своей Катерины?

—Никогда еще не бывало, чтобъ я тебя не видѣлъ, отвѣчалъ Михайло, какъ сквозь

сонъ и едва понимая самъ, что говорить.

—Никогда еще не бывало того, что есть теперь, возразила Катерина: — Бѣдная моя головонька! зачѣмъ я тебя полюбила? Не богато бѣ мое сердце, что ты меня покидаешь; не поливала бѣ я твоихъ слѣдовъ горячими слезами, когда ты поѣдешь воевать съ тѣми проклятыми Голишницами!

—Но кто жъ тебѣ сказалъ, что я ѣду, Катерина?

—Слышала я весь разговоръ вашъ съ Крыжановскимъ. Знаю все. Ничего не осталось мнѣ у тебя выпрашивать. Но если бѣ я и ничего не слышала, моя душа давно уже сказала мнѣ горькую вѣсть. Какъ только я взглянула на Крыжановскаго, когда онъ бралъ изъ рукъ моихъ кубокъ съ медомъ, мнѣ вдругъ стало страшно отъ злыхъ его очей, и въ ту жъ минуту какъ-будто кто шепнулъ мнѣ на ухо, что ты меня покинешь... Михайло! не связывайся ты съ этимъ Крыжановскимъ! Онъ, говорятъ, великій грѣшникъ. Онъ, говорятъ, прошегъ

уже весь свѣтъ и погубилъ не одну невинную душу!

—Не покину я тебя довѣку, Катерина, отвѣчалъ Михайло, не обращая вниманія на ея толки о Крыжановскомъ:—Не за золотомъ и добычею ѣду я на войну; хочу только показать на дѣлѣ, что я козакъ, и воротиться къ тебѣ съ честью, и славою.

—Хорошъ и милъ ты для меня и безъ славы, Михайло! Напрасно ты хочешь скрыть свои думы... Хотя же не говори мнѣ, что ѣдешь только для меня! Знаю я васъ мужчинъ. Вамъ наши слезы и тоска ничего не значать; вамъ пріятнѣе слышать стрѣльбу и крикъ сраженія, чѣмъ вѣрныя рѣчи милосѣ. Одиѣ мы несчастныя осуждены любить всею душою, любить васъ безчувственныхъ больше всего на свѣтѣ, больше отца и матери!

Михайло не могъ возражать на эти упреки, потому что чувствовалъ ихъ справедливость. Онъ молча глядѣлъ на противоположную сторону улицы, которая во всю

длину занята была непрерывною стѣною каменнаго зданія съ остроконечными окнами, съ безчисленными и самыми разнообразными колоннами, пиластрами, фронтонами и галереями.

Это была та Малороссійская Коллегія, о которой старожилы рассказываютъ, какъ о восьмомъ чудѣ свѣта. Главный корпусъ ея превышалъ рѣзко всю линію строенія, какъ взрослый человекъ дѣтей. Его рази́ръ, его колонны, окна и украшенія были несравненно колоссальнѣе и богаче, чѣмъ въ прочихъ частяхъ зданія.

Свѣтъ мѣсяца падалъ на Коллегію сбоку и только въ нѣсколькихъ мѣстахъ касался колоннъ, карнизовъ и барельефовъ. Оттого зданіе, покрытое усиленною тѣнью, имѣло видъ мрачный; а огромныя статуи, поставленныя въ нишахъ, равнявшихся высотой цѣлому ярусу другихъ частей строенія, давали ему подобіе какого-то храма времени языческихъ, наполненнаго молчаливыми божествами.

Но напрасно кто-нибудь сталъ бы искать въ этой тяжелой и пестрой архитектурѣ характера націи и степени ея образованія. Малороссія никогда не восходила до такого градуса цивилизаціи, чтобъ выразить себя въ изящныхъ искусствахъ и художествахъ. Вся ея исторія представляетъ только зародышъ чего-то великаго, непринесшій достойнаго себя плода и погибшій въ самомъ цвѣту своемъ. Это зданіе выражало не болѣе, какъ самаго архитектора съ его народнымъ элементомъ и латинскимъ образованіемъ.

Надъ глубокими нишами, въ которыхъ чинно разставлены были огромныя Минервы, Оемпиды, Марсы, древніе ораторы и философы въ сосѣдствѣ съ усатыми гетманами въ длинныхъ жупанахъ и широкихъ горностаевыхъ мантияхъ, — красовались въ разнообразныхъ группахъ малороссійскіе войсковые клейноды, перемѣшанные съ купидоновыми луками и колчанами (: козакъ давно уже не употреблялъ луковъ), съ пирами Аполлона и меркуріевыми жезлами. Въ иныхъ мѣстахъ старинныя мечи съ птичьей головкою на рукоятѣ, длинныя ружья и

боевые топоры козацкіе въ лаврахъ—стояли обокъ съ греческою арфою, головою быка и трезубцемъ Нептуна, перевитыми и окруженными множествомъ цвѣтовъ, между которыми малороссійскій подсолнечникъ занималъ самое видное мѣсто. Тутъ ничего не было забыто: затѣйливый малороссійскій архитекторъ рѣшился выстроить зданіе на диво своимъ землякамъ и истощилъ на украшеніе его всю свою изобрѣтательность. Знамена, бунчуки, сабли, римскіе шлемы, козацкія шапки, латы, ковши, змѣи, утыканныя шпаами булавы, птицы, полумѣсяцы и звѣзды—внѣшныя капителя колоннъ, и пластръ, окружали окна, вѣшали фестонами, плелись въ гирляндахъ, поззали по карнизамъ и подъ карнизамъ. Но все это было расположено съ такимъ причудливымъ вкусомъ, съ такою неожиданною смѣлостью и дикою простотою, что не хочется вѣрять, чтобы чья-нибудь голова трудилась надъ сортировкой этихъ орнаментовъ. Кажется, будто они брошены были на стѣну въ размахъ какою-то огромною рукою, и только слѣпой случай указалъ имъ такое странное сосѣдство ¹⁰.

Михайло то всматривался въ разныя части фасада, затянутого тѣнью, то пробѣгалъ взорами все зданіе, какъ бы ища въ немъ потерлнной мысли. Наконецъ глаза его остановились надъ украшеніемъ главнаго фронтона. Два Запорожца, съ длинными чубами, держали большой щитъ, на которомъ изображенъ былъ гербъ Малороссіи—козакъ въ полномъ вооруженіи и въ заломанной на бокъ шапкѣ. Подъ щитомъ, на мѣдномъ параллелограмѣ, видѣлась надпись къ гербу, сочиненная еще во времена Хмельницкаго. Михайло не могъ бы теперь сквозь густую тѣнь разобрать этой надписи, еслибы память не повторила ему затверженныхъ еще въ дѣтствѣ драгоцѣнныхъ для потомства строкъ, въ которыхъ живо выражается духъ свободы и независимости, вдохнутый къ Украинскій народъ незабвеннымъ Богданомъ:

Войска Запорожскаго воинъ знаменитый
Вооруженъ бодрствуетъ отчаяну хравити.
Аще и враговъ конкъ не зрѣть нрѣль собию,
Обаче оружіе готово до бою
Имать; тѣмъ восплашюшя, сумостаты силы
Хотѣня своето надина ошлимъ.
Нбъ вѣсть сей завчасу предадимъ аману.

3.

А въ порабощеніи не будетъ, ахъбону;
 Или же далъ бѣдра пастыря суши—
 Восвѣтити въ стаду волка градуша.

—Слушай, Катерина, сказалъ вдругъ Михайло голосомъ твердымъ и рѣшительнымъ:—знаю, что ты меня любишь вѣрно; но я того не стою. Я не стою твоей любви! Какая разница между мною и послѣднимъ лавочникомъ, и чѣмъ перо почтеннаго аршина? Не стыдно ли мнѣ, котораго предки вынимали изъ стремени ногу только для танцевъ и выпускали изъ руки саблю только для кубка, не стыдно ли мнѣ сидѣть сгорбившись въ канцеляріи и пестрить бумагу словамъ, вмѣсто того, чтобы устилать широкія поля трупами и проливать не чернила, а кровь невѣрную!

—Жестокая душа! лютое сердце! говорила Катерина, сложа на груди руки.

—Да, Катерина, продолжалъ Михайло:—ты не должна любить домосѣда, труса, который боится высунуть носъ изъ-за печки, который готовъ разомъ съ тобой затыкать уши, когда стрѣляютъ изъ городской пушки!

Пѣтъ, обними меня на бранномъ копѣ, покрытаго потомъ и кровью, когда трубы и литавры возвѣстятъ мою славу, а отбитыя у непріятеля знамена зашумятъ надъ моею головою!

—Я не должна его любить, повторила сквозь слезы Катерина:—пока онъ не окровавленный змѣрь, а не должна его любить!

—И гдѣ дѣвать мнѣ эту силу, которая кипитъ въ моей груди и нищѣ раздолья! продолжалъ Михайло, не слыша въ своемъ забытій словъ Катерины:—Тянетъ меня, тянетъ мою душу въ боевое поле, въ тучу мечей и пуль, гдѣ небо гремитъ, гдѣ земля стонетъ, гдѣ текутъ рѣки крови человѣческой! Чувствую, что родился козакомъ, и жажду боя и славы! Прощай, Катерина! восклицалъ онъ въ своемъ жару, обнимая ее трепетную и блѣдную:—прощай! Если убьютъ меня, помолись за мою грѣшную душу; если жъ ворочусь къ тебѣ, то ворочусь съ честью и славою!

ГЛАВА III.

На другой день, послѣ обѣда, Михайло выѣхалъ изъ городскихъ воротъ. Передъ нимъ открылась чистая и блестящая какъ стекло рѣчка Есмѣнь, черезъ которую, за сто-семьдесятъ-восемь лѣтъ до насъ, летали на глуховскія укрѣпленія бомбы и ядра польскаго короля Яна Казимира. Далѣе стояли въ разнообразныхъ группахъ березовыя и липовыя рощи, теперь уже почти совсѣмъ истребленныя. За ними, по воро-

нѣжской дорогѣ, мелькали хутора, снѣгли лѣса, вставалъ мѣстами дымъ, и наконецъ туманный горизонтъ терялся въ пасмурномъ небѣ.

Грустно стало моему рыпарю, когда онъ выѣхалъ на деревянный мостъ, идущій черезъ рѣчку. Онъ повернулъ коня назадъ и долго смотрѣлъ на Глуховъ. Какой-то зловѣщій внутренній голосъ безпрестанно повторялъ ему послѣднія прощальныя слова добродушнаго его хозяина: «Помни твердо, Михайло, на всякій случай, наставленіе моего знаменитаго дѣда—*Не створи зла за блага*», какъ-будто онъ въ самомъ дѣлѣ ѣхалъ на какое-то недоброе дѣло.

Но еще большую смуту наводилъ на него образъ Катерины, который воображеніе его схватило въ минуту разлуки и теперь представило ему въ самомъ поразительномъ видѣ. Блѣдная, съ заломанными руками, она уже не укоряла и не просила; она видѣла неизбежность своей судьбы, и въ ея блестящихъ безъ слезъ глазахъ можно было прочесть всю муку души любя-

щей, но потерявшей всякую надежду отвста ударъ и обрешей себя на величайшее терпѣніе.

—Милая, бѣдная моя Катерина! проговорилъ онъ растроганнымъ голосомъ:—за что я тебя покидаю!... Правда, я долженъ много совершить... Но по крайней мѣрѣ не огорчу тебя такъ скоро разлукою; ворочусь къ тебѣ хоть на одну минуту; еще разъ обниму тебя, еще разъ увѣрю, что люблю, какъ свою душу!

И онъ хотѣлъ уже воротиться въ Глуховъ, но конь предупредилъ его и повернулъ самъ собою къ Воронѣжу. Обезсиленный множествомъ волновавшихся его чувствъ, Михайло не вымъгъ на этотъ разъ рѣшмости переупрямить своего коня, нѣмъ вѣрнѣе сказать—не зналъ, что дѣлать, и продолжалъ путь, опушта голову и отдавъ себя на произволъ цѣлому рою думъ, овладѣвшихъ его душою.

Но когда онъ отѣхалъ версты пять отъ Глухова и передъ нимъ развернулось ши-

рокія поля со многочисленными своими курганами, этими нѣмыми бытописаніями стародавняго времени; когда свѣжій вѣтеръ подулъ полнами по плодоноснымъ нивамъ, а изъ-за тучъ заблестѣло солнце,—его душа оживилась, смутныя думы разлетѣлись, какъ почныя птицы при появленіи свѣту. Онъ снова былъ тотъ вольный, непреклонный козакъ, для котораго собственныя произволъ важнѣе всѣхъ законовъ и обязанностей. Онъ уже не думалъ ни о полковомъ судѣ, ни о Катеринѣ. Онъ смотрѣлъ смѣло и гордо, поднявшись на сѣдлѣ,—какъ будто взмѣрялъ глазами боевое поле. Въ ушахъ его звенѣли звуки военной трубы, раздавались перебаты пушечнаго грома и вопли битвы; въ воображеніи мелькали сквозь клубы дыму знамена, сабли и мушкеты; войска, какъ тучи, сходились, мѣшались, сшибались, бѣжали, преслѣдовали одно другое. Мысль о славѣ обхватила его умъ и сердце, подавила въ немъ всѣ другія мысли и чувства, закружила, унесла его на своихъ крыльяхъ. Въ веселомъ трепетѣ, въ жару юношескаго нетерпѣнія, онъ прищипилъ своего коня, взмахнулъ нагайкою,

склонился надъ сѣдломъ и вихремъ полетѣлъ по дорогѣ, въ облакѣ пыли.

Солнце начинало уже спускаться къ горизонту, когда передъ нимъ показался Воронѣжъ, весь затопленный темною зеленою садою, надъ которыми возвышались башни и куполы его церквей и колоколенъ. Пустя тихимъ шагомъ коня, Михайло сталъ размышлять о томъ, какъ бы ловче устроить домашнія дѣла свои.

Отецъ его былъ человекъ мудреный, оригиналъ рѣдкій, даже, можетъ-быть, единственный въ тѣ времена, по своему характеру и образу жизни. Въ молодости своей онъ слылъ первымъ удалцомъ и гулякою во всемъ полку, рано произведенъ гетманомъ Даниломъ Апостоломъ за храбрость въ сотники, уважаемъ полковыми старшинами за знаніе военного дѣла, почтенъ истреми за свою *ученость* (: въ тотъ вѣкъ не много еще требовалось знаній для полученія этого титула), приобрѣтенную имъ въ Переяславской семинаріи"; словомъ, былъ красною междъ старосѣвскими нашими павами

и могъ ожидать себѣ въ будущемъ роли блистательной. Но когда, вовремя безначалія и смуты бироновскихъ, правившіе Малороссією русскіе вельможи обидѣли его своимъ презрѣніемъ, когда мимо него повышены были чинами не по заслугамъ нѣкоторые старшины козацкіе, гордость его была оскорблена такъ сильно, что онъ тогда же оставилъ службу. А лишившись черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ жены, онъ совершенно удался отъ міра, заперся въ своемъ домѣ, стоящемъ уединенно на концѣ Воронѣжа, и уже давно не показывался на Божій свѣтъ. Люди, со своимъ радостями, исканіями, надеждами, были для него ненавистны. Онъ хотѣлъ бы, чтобы цѣлый міръ чувствовалъ вмѣстѣ съ нимъ ту глубокую досаду и тоску, которая грызла его сердце.

Но отказавшись навсегда отъ славы и почестей, отчуждавшись родныхъ и множества пріятелей, онъ не отчуждался своей родины. Онъ любилъ Малороссію, зналъ, что она отжила уже свой вѣкъ, состарилась и одряхлѣла духомъ преждевременно,

чувствовалъ, что она скоро угаснетъ, и потому предпринялъ собрать всё ея воинскія преданія, всё историческія ея пѣсни и хроникки и передать временамъ будущимъ въ правдивой и подробной лѣтописи.

Эта мысль занимала тогда много умовъ въ Малороссіи: ип въ одну эпоху не было составлено и переписано столько малороссійскихъ хроникъ и другихъ матеріаловъ для исторіи, какъ въ эпоху послѣдняго гетманства. Народъ, сойдя со сцены дѣйствія, любитъ оглядываться на прошедшее такъ точно, какъ старики—толковать о своей молодости.

Сотникъ Чарнышъ предался своему занятію съ какимъ-то теплымъ вѣрованіемъ; а пробужденная вновь прежняя дѣятельность души, при помощи сильнаго воображенія и пламенной любви къ родинѣ, сообщила его труду живую энергію и возвысила одинокую его душу до поэзіи. Чѣмъ больше проникалъ онъ въ духъ преданій, пѣсенъ, лѣтописей, разныхъ остатковъ старины, тѣмъ въ большей прелести

являлся ему мнѣнію вѣки и событія. Сосредоточа на одномъ пунктѣ всё свои способности, онъ создалъ для себя отдѣльный фантастическій міръ, въ которомъ его душѣ было свѣтло и въ которомъ онъ нашелъ замѣну общества, оставленнаго имъ навсегда. Храбрые рыцари Украины, гремѣвшіе во времена оны славою по всему міру, были живы въ его воображеніи. Онъ ихъ любилъ какъ спонхъ дѣдовъ, онъ благоговѣлъ передъ ихъ подвигами, они сдѣлались необходимыми для его жизни существами. Особенно почиталъ онъ память гетмановъ Хмельницкаго и Дорошенка: въ этихъ двухъ исполнцахъ своего времени онъ признавалъ силу души необычайную, какую, по его мнѣнію, едва ли имѣлъ кто-нибудь изъ смертныхъ.

Стѣны его покоевъ увѣшаны были портретами и картинками, представляющими важнѣйшія событія изъ исторіи Малороссіи. Указывая на эти изображенія, онъ передавалъ Михайлу дѣла давно мнѣвшихъ дней голосомъ, въ которомъ отзывалось чувство глубокаго сознанія истины. Онъ говорилъ о

подвигахъ Називайка пня о смерти Остри-
ницы съ такимъ краснорѣчіемъ, съ такою
точностью и подробностями, какъ-будто
самъ сражался подъ ихъ крестчатыми хо-
ругами.

Иногда вдругъ, послѣ восторженнаго раз-
сказа, онъ погружался въ тихую задум-
чивость, долго сидѣлъ, склонивши голову
на столъ, и потомъ звалъ своего ключника
Семена, который когда-то былъ его оруже-
нощемъ на войнѣ, а теперь домашнимъ
бандуристомъ.

— Спой, братъ Семенъ, какую-нибудь
старосвѣтскую пѣсню, говоришь онъ:—раз-
весели смутную мою душу.

И ключникъ Семенъ бралъ со стѣны
бандуру, садился на всогдашнее свое мѣ-
сто, склонялъ свою сѣдую голову и, пока-
чиваясь въ обѣ стороны, какъ старшій
дубъ отъ вѣтру,—затягивалъ протяжнымъ,
торжественнымъ, полнымъ мужественной
гармоніи голосомъ:

Ой пошли козакі на чотыри шлякы,
На чотыри шлякы, а на пята на Подоле.

Що однимъ полемъ—то идешъ Сяко Мухомъ,
А за шашкы хоружимъ мало-мало на три тысячи,
Усе хоробрый товариши Запорозькы.

На коникахъ выграивють, шабелями блискають,
У бубимъ вдарють, Бѣгомъ молитамъ посмилють,
Хресты покладють.

А Сяко Мухомъ—то вѣтъ на коню да й не выграиває,
Коня удержує, ле себе притягує, думає-гадає:

.
.

—А що, якъ ваше козачество, мовъ у пеклѣ, Ляхы спѣвають
Да за вашыхъ козацкихъ постей ширь себе на покѣльє
зварять?

А що, якъ наши головы козацкыи во степѣ-облѣ волануть,
Да ще й рѣдкого кровью вымуться,
Померероскѣлотыми шаблями локрѣмуться?

Пронадѣ, мовъ порохомъ зъ дула, тая козацкая слава,
Що во всѣмъ свѣту дивомъ стала.

Що во всѣмъ свѣту стеномъ розлагалась-престягалась
Да во всѣмъ свѣту луговимъ гонѣномъ роздалась,

Турѣчкыи да Татаркыи добрымъ ланомъ званіи дѣлалась,
Да й Ляхамъ ворогамъ на смѣхъ оддалась!

Заграче веронь, стѣномъ летючи,
Шашкыи выбула, лугомъ скачучи.

Закуркують пречоты сімь,
Загадуютья орлянки хижы,
Дя нес, усе на слонкы брѣтѣть,
Не буйныхъ товаришакъ позакѣть.

Чи тѣ ихъ зѣрбожъ завесло,
Чи то ихъ у весла потонуло,

Що пендикю чубатыхъ не тѣ по стѣнахъ, не тѣ й по дугахъ,
Не тѣ й по татарськихъ змѣлахъ, не тѣ й по турчаньихъ
горяхъ,
Не тѣ й по Черемхъ моряхъ, не тѣ й по ланцыхъ полкахъ!

Заграче ворожь, загрѣе, зашумуе
Да й полетѣть у чужую землю;

Ахъ-ба! вѣстѣи лѣтѣть, шаблонѣ сторчатѣ,
Бѣстѣи хрустѣть, шаблонѣ на переросѣлой бражчѣть....

Послѣ каждаго куплета онъ дѣлалъ долгиіи наузы, въ которыя бандура его своимъ ушылымъ звономъ и гудѣніемъ дополняла то, чего не можно выразить въ пѣснѣ.

Съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ Михайло эти древнія пѣсмонѣнія, и часто ему казалось, что въ нихъ, кромѣ Семени

ключника, кто-то другой отзывается изъ глубины минушаго и стопеть въ переливахъ заунывныхъ аккордовъ, и тихо плачетъ подъ рокотанье струнь.....

Онъ покорялся безъ сознанія вліанію сужденій своего отца; душа энтузіаста-старика переливалась незамѣтно въ его младенческую душу. Старина представлялась ему въ очаровательныхъ видахъ, въ размѣрахъ исполинскихъ, величественныхъ. Вѣкъ современный казался ему ничтожнымъ, чуждымъ всего высокаго, героическаго.

По настроенію отца, онъ считалъ прежде за нязость служить въ малороссійскомъ войскѣ, немыгвшемъ уже вонновъ-начальниковъ и управляемомъ интригами придворныхъ магнатовъ, а для достиженія значительной власти въ отечествѣ, полагалъ вѣрнымъ одинъ только путь—статскую службу; справедливость чего доказывали опытомъ многіе тогдашніе Малороссіяне, занимавшіе важнѣйшія мѣста въ государствѣ.

Въ слѣдствіе этихъ мыслей, онъ минулъ

то поприще, на которое вступать считали за непремѣнную обязанность молодые люди фамилиі Чарышпа въ продолженіе десяти поколѣній, и опредѣлился въ малороссійскій сенатъ—Коллегію, гдѣ достигъ уже званія старшаго канцеляриста,—члнъ немаловажный по тогдашнему времени.

Каково жъ было ему теперь явиться передъ своего отца съ рѣшительною переменою прежняго образа мыслей? Этотъ вопросъ показался ему ничуть не маловажнымъ, особенно когда онъ принялъ во вниманіе серьезный и рѣзкій характеръ стараго сотника и вспомнилъ, какъ полковой судья предостерегалъ его на этотъ счетъ.

Онъ хотѣлъ остановить коня, чтобъ обдумать заблаговременно планъ своей просьбы, и тогда только замѣтилъ, что конь стоялъ уже у воротъ отцовскаго его дома.

ГЛАВА IV.

Ворота эти, сдѣланные изъ дубоваго дерева и почернѣвшіе отъ времени, были такъ высоки и огромны, нѣсли на себѣ столько кровель, решетокъ и самыхъ неразгаданныхъ для антикварія украшеній изъ рѣзнаго дерева, что казался обломкомъ готической башни, уцѣлѣвшій отъ какого-нибудь древняго замка; а покрывавшіе ихъ со всѣхъ сторонъ мохъ и дикія травы довершали это сходство.

4.

Чтобы узнать, какъ давоо она отворялась, стоило только взглянуть на большой мельничный жерновъ, поставленный рубомъ, не вѣстною, нарочно или случайно, подъ главною аркою и вросшій уже отчасти въ землю. Волокнистыя растенія, оплетая его зеленою своею сѣткою, подымались съ него на ворота и цѣплялись за множество желѣзныхъ колецъ, потолстѣвшихъ отъ давней ржавчины. Эти кольца служили некогда для привязыванія лошадей козакамъ, прїѣзжавшимъ къ сотнику Чарнышу по дѣламъ службы, ибо только собственно гости да люди высшихъ разрядовъ, по тогдашнимъ прличіямъ, могли въѣзжать прямо на дворъ, посподитство же и простые козаки оставляли своихъ коней за воротами.

Михайло отворилъ боковую «ортку» и взонелъ на широкій дворъ, ведя за собою въ поводу коня.

Площадь двора утратила нынѣ у малороссійскихъ пановъ прежнее свое значеніе. Она иногда бываетъ занята сухопарымъ

цѣтникомъ въ англійскомъ вкусѣ, а чаще ничѣмъ, кромѣ дороги для подѣзда къ крыльцу. Въ немогихъ только сампзяхъ она оживляется по праздникамъ дѣвичьими хороводами, да разъ въ годъ праздникомъ Івана Купалы и обжинокъ. Но все это дѣлается не больше какъ ради шутки, для того только, чтобъ позабавить гостей зрѣльщцемъ простонародныхъ танцевъ и деревенскими пѣснями. Для самихъ же помещиковъ она имѣетъ развѣ ту выгоду, чтобъ видѣть своими глазами, какъ сушатъ пшеницу и бѣлятъ полотно.

Встарину, напротивъ, эта площадь составляла важную необходимость въ домѣ каждаго что называется *пана*. Это была танцъ-зала, потому вопервыхъ, что тогда не строили домовъ съ большими комнатами, холодными зною, а восторыхъ и потому, что предки наши, подобно древнимъ, любили веселиться подъ открытымъ небомъ.

Еслибы мы взглянули на домъ сотника Чарныша въ лучшую его эпоху, особенно въ какой-нибудь изъ торжественныхъ въ

его «амалии» дней, намъ эта пустыня представлялась бы совсѣмъ въ другомъ видѣ.

По обѣ стороны двора, вдоль амбаровъ и конюшенъ, стояло тогда множество рыдвановъ и возовъ, такъ называемыхъ *кованыхъ*, которые водились только у шляхетства. Межъ шипъ и подъ навѣсами строеній бродили, сидѣли и лежали возницы, то есть кучеря, и другіе слуги, въ кобелякахъ, въ спящихъ жупанкахъ и въ козацкихъ шапкахъ. Срединна двора занята была танцами. Музыка гудѣла. Золотые обивага, позументы, *усы* на женскихъ кунтушахъ и пояса на жупанкахъ козацкихъ горѣли огнемъ въ яркомъ свѣтѣ солнца, котораго наши прабабушки не такъ боялись, какъ нынѣшнія красавицы (зато жъ онѣ были и здоровѣе). Самъ сотникъ съ сѣдоголовыми гостями сидѣлъ подъ галереєю дома, съ которой видѣнъ былъ весь дворъ какъ на картинѣ. Старшкіе обыкновенно бывали серьезны и степенны до тѣхъ поръ, пока безпрестанно наполняемые и осушаемые кубки не представляли имъ моря по колѣни, и тогда они очищали для

себя на подворья мѣсто, приказывали играть какого-нибудь *старосельскаю* танца и выкидали такія *запорожскія* штуки, на которыхъ и молодежь глядѣла съ восхищеніемъ.

Теперь все измѣнилось. Заросло травою даже то мѣсто, которое убито было ногами какъ камень; конюшни во многихъ мѣстахъ завалились, а легкія галерейки амбаровъ, построенныя аркадами, потеряли много своихъ грациозныхъ столбиковъ, мѣстами потрухнули и обросли пышною зеленью.

Съ грустнымъ чувствомъ смотрѣлъ Михайло на эти полуразвалины, на длинный подъ высокою кровлею домъ съ черемухами передъ окнами и на широкую равнину двора, покрытую дикимъ бурьяномъ. Но не воспоминаіе о прежней вострой жизни навело на него смуту: онъ припомнилъ себѣ послѣднее сборище народу на отцовскомъ дворѣ его, припомнилъ звонъ колоколовъ, раздававшійся въ то время на шестахъ воронѣжскихъ колокольныхъ, и похоронное пѣніе, и пестроту погребальныхъ убо-

ровъ и хоругвей. Тотъ день остался для него памятнымъ парѣмъ; въ тотъ день онъ пролилъ много слезъ надъ гробомъ своей матери, и тяжкое воспоминаніе объ ней теперь стѣснило его грудь.

Выпусти въ разсѣянности изъ рукъ поводъ коня, который самъ собою побрелъ отыскивать конюшню, Михайло стоялъ въ глубокой задумчивости посреди двора и пробужденъ былъ голосомъ ключника Семена, который всякую рѣчь свою, по странной привычкѣ, начиналъ словами—*Помяни, Господи, царя Давида.*

Старикъ стоялъ передъ нимъ съ полнѣйшимъ кувшиномъ въ рукѣ, въ которомъ онъ уже болѣе десяти лѣтъ носилъ изъ погреба грушевый квасъ для своего пана,—въ широкихъ полотняныхъ шароварахъ, закрывавшихъ своими безчленными складками даже голенища сапогъ его,—въ синей суконной курткѣ, вытертой на лѣвомъ плечѣ ремнемъ бандуры,—со связкою ключей у пояса съ одной стороны и съ полнымъ приборомъ для трубки съ другой.

—*Помяни, Господи, царя Давида!* говорилъ онъ, дѣлая, по обыкновенію, этою поиманной гдѣ-то въ Псалтыри фразою приступъ къ своей рѣчи:—Кто могъ бы подумать, что ты сегодня будешь дома? Мы съ папотцемъ ждали тебя не раньше, какъ на Зеленую недѣлю. Ну, братику, ты смотришь такъ, какъ-будто только-что проглотилъ пару Турокъ, а третьяго Татарина! Молодецъ, сй Богу молодецъ! Каждый разъ, какъ я тебя вижу, ты какъ-будто выросаешь на цѣлый локоть, хотя тебѣ давно уже минуло двадцать-два года. Видно, панъ судья съ своею Катеею не скупы для тебя на вареники.

И, отступя шага два назадъ, онъ любовался его стройнымъ ростомъ и гордою осанкою. Ключникъ Семенъ любилъ Михайла какъ сына и всегда съ великимъ удовольствіемъ припоминалъ себѣ то время, когда носилъ его на рукахъ, возилъ по двору на конѣ, училъ стрѣлять изъ ружья и владѣть саблею. Старикъ такъ живо и такъ недавнимъ представлялось время Михайлова дѣтства, что онъ, глядя теперь на

этого мощнаго юношу, уже украшеннаго черными, еще неочерствѣвшими усами, нозельно повторяя себѣ обыкновенную фразу пожилыхъ людей: «Какъ быстро вырастаетъ этотъ молодой народъ!»

Что же касается до Михайла, онъ смотрѣлъ на ключника Семена, какъ на вѣковѣчный дубъ, который изъ цѣлое столѣтіе взмѣняется менѣе, чѣмъ молодое дерево въ одно лѣто. Сколько онъ помнилъ его, — таже богатая лысына, тѣже морщины, тѣже великолѣпные усы.

— Право, Михайло, продолжалъ ключникъ Семень: — глядя на тебя, я не могу вытерпѣть, чтобъ не сказать тебѣ сущей правды: не въ Коллегіи, братику, твое мѣсто; ей Богу, нѣтъ! Не во гнѣвъ будь сказано твоему панотцу, хоть онъ и не слышитъ моихъ словъ, — еслибъ посадить тебя на такого коня, какъ я когда-то отнял у Татарина, да дать добрую саблю въ руки... а! *шкודה и казати!* Ей Богу, и за пана Данила ¹³ лучшаго козака не нашлось бы во всемъ нашемъ полку!... Да, стой, бра-

тву; что я разболтался въ самомъ дѣлѣ, какъ-будто, годовъ десятка два назадъ, за ковнемъ пагѣвскаго меду ¹⁴!

Ой вы Палій, ой вы Семень да голышкы кланять.
А Маженичъ чуръ ¹⁵ Палію Семену кланіемъ готовить...

Что за врагъ! эти мнѣ пѣсни да моды не дадутъ, слова вымолвить. Я совсѣмъ не то хочу говорить. Правда ли, Михайло, что въ Глуховѣ у васъ идетъ теперь такая вербунка, какъ-будто самъ Хмельницкій, вставши изъ могилы, поднялся снова на Ляховъ?

— А что? можетъ, и ты, Семень, соскучась сидѣть дома, хочешь промать свои старыя кости?

— Я?... *Помли, Господи, царя Давида!*... Ей Богу, Михайло, ты шутишь какъ пастоящій Запорожець!... Эге! шкודה и казати! Прошло уже то время, когда мы съ твоимъ панотцемъ, еще за покойнаго пана Данила...

— Скажи ты мнѣ, Семень, прервалъ его Михайло: — когда ты перестанешь по-

минать царя Давида? Что тебѣ царь Давидъ такъ вбился въ голову?

— Да постой! я не о томъ совсѣмъ хотѣлъ рѣчь вести, а оиъ мнѣ съ царемъ Давидомъ лѣзеть въ очи. Вбился въ голову! А худос, видишь, дѣло употребить кстатн такія мудрыя слова!... Ну, постой же... О чемъ-бакъ я началъ говорить?... Вотъ же, если правду сказать, такъ и не вспомню безъ царя Давида; вотъ для чего вбился въ голову! Это начало всякой разумной рѣчи. Ей Богу, правда! Какъ только не забудешь сперва сказать—*Помни, Господи, царя Давида*, то дальшия слова пойдуть такъ складно, какъ-будто самъ царь Давидъ играеть на гусляхъ... А ну: *Помни, Господи, царя Давида!* Минули уже наши годы, Михайло (а що! багъ!). Воевали и мы когда-то съ твоимъ панотцемъ, да еще какъ воевали! Ей Богу, ажъ теперь душа радуется!

Ой коли-сь мы воевали, да больше не будемъ;
Того счастья я тебѣ дѣлѣ пожить не забуду!

.....
Да еще шибко заржавали, нушноты безъ иурды,
А ще сердце кованное не боится Турды!

Эхъ, жаль, что я не взялъ съ собою изъ свѣтлицы бандуры! я урѣзалъ бы тебѣ эту пѣсню такъ, что и у *вельможныхъ* глуховскихъ пановъ всѣ бандуристы пусть бы подальше спрягались!

— Ну, пускай же ты когда-нибудь въ другое время покажешь мнѣ свое искусство, скажешь Михайло:—а теперь сиими, кои твоя ласка, съ моего коня сѣдо да дай ему овса.

— Правда, Михайло, правда; однакожь не брехнй и то, що сперва треба наточить твоему панотцу грушѣвого квасу, скажешь ключникъ Семенъ и отправился въ погребъ.

Михайло пошелъ къ отцу.

ГЛАВА V.

Чтобъ узнать, до какой степени сотникъ Чарнынгъ былъ преданъ старинѣ, читатель не долженъ оставлять безъ вниманія дома его, какъ онъ ни простъ и нескладенъ съ виду. Если я скажу только, что домъ этотъ построень по образцу дома гетмана Хмельницкаго, этого достаточно для возбужденія самаго живаго интересу во всѣхъ любителяхъ Малороссіи, и даже глубоко-мыслимый историкъ, который, безъ со-

мнѣнія, мало дастъ цѣны моему простодушному повѣствованію, остановится надъ этими страницами и съ полнымъ вниманіемъ прочтетъ описаніе дома сотника Чарныша.

Но какимъ образомъ изъ далекаго Субботова ¹⁵ могъ зайти въ Воронежъ образецъ дома Хмельницкаго? Для объясненія этого вопроса я долженъ обратиться къ исторіи.

Въ бѣдственную годину Малороссіи, когда Унія и католичество терзали несчастный Южнорусскій народъ, когда, по истребленіи варварскимъ образомъ отважныхъ защитниковъ вѣры и свободы—Палпвайка, Павлюка, Остривцы и множества другихъ рыцарей «Великой Украины», Поляки совершенно поработили нашу родину и намъ, казалось, не осталось уже никакой надежды на избавленію отъ постыднаго ига, — гетманъ Хмельницкій явился какъ свѣтлый гонимъ надъ мрачною пропастью, въ которой мы были погружены.

При тогдашнихъ отчаянныхъ обстоятель-

ствахъ, на его подвиги нельзя было гля-
дѣть, какъ на дѣла человѣческія. Малорос-
сія видѣла въ немъ посланника Божія,
вдохновеннаго свыше помыслами, слишкомъ
великими для человѣка обыкновеннаго:

Тільки Богъ Святий знає,
Що Хмельницькій думавъ-гадає—

говорить современная ему пѣсня.

Вспомнимъ, съ какимъ триумфомъ, съ ка-
кимъ восторгомъ и слезами встрѣчали его
въ Кіевѣ, когда онъ, послѣ своихъ побѣдъ,
пріѣзжалъ благодарить Бога торжественно,
предъ лицомъ всего народа! Не многимъ
изъ смертныхъ назначено въ удѣлъ про-
зводить въ своихъ соотечественникахъ по-
добныя чувства, и это даетъ намъ поня-
тіе о томъ, что значилъ въ свое время
Богданъ Хмельницкій въ Малороссіи!

Народъ едва не боготворилъ своего «изба-
вителя», возматившаго его отъ пытокъ и
казней къ жизни и свободѣ. Чигиринъ и
Субботово сдѣлались мѣстами священными

для отдаленныхъ странъ нашей краины. Туда
нарочно ѣздили, чтобъ увидѣть «славаго»
гетмана и его семейство, списывали съ него
портреты, собирали подробности о его
подвигахъ; и эти рассказы вмѣстѣ съ гоме-
рическими пѣснями бандуристовъ, пере-
ходя изъ устъ въ уста, изъ города въ го-
родъ, распространялись, какъ громовые от-
голоски славы, по цѣлой области, и скоро
вся Малороссія, по обѣ стороны Днѣпра, на-
полнилась молвою о Хмельницкомъ.

Въ это время прадѣдъ сотника Чарны-
ша, полковникъ Павло Чарнышъ, воротил-
ся съ кроваваго поля войны на родню и
привезъ съ собой портретъ Богдана и ри-
сункъ его субботовскаго дома.

Воспомнаніе о домѣ гетмана Хмельни-
цаго было для него драгоцѣнно: туда онъ
перевезенъ былъ безпамятный съ поля по-
бѣды, и сама гетманша заботилась объ
излеченіи ранъ его. (Такъ близокъ и дру-
жесть былъ со своимъ народомъ тотъ могу-
щественный и блистательный гетманъ, ко-
торому, по словамъ лѣтописца Грабянки,

«недоставало только берла и короны, чтобъ быть паремъ»). А потому, чтобъ передать это воспоминаніе и своему потомству, полковникъ Павло Чарнышъ вознамѣрился построить въ Воронѣжъ точно такой домъ, какъ у Хмельницкаго. Но намѣреніе его не вполне приведено было въ исполненіе: онъ умеръ, не достроивъ дома и до половины.

Между-тѣмъ, по смерти стараго Хмельницкаго, настали смутныя времена для Малороссіи. Послѣ высокой эпопеи, совершенной имъ съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ, Виговскіи, Юріи Хмельницкіи, Самко, Бруховецкіи, Многогрѣшныи, Дорошенко и множество другихъ, второстепенныхъ лицъ выступили на сцену и начали играть кровавую драму внутреннихъ войнъ, которая едва чрезъ восемнадцать лѣтъ окончилась ужасной катастрофою чигиринской осады и паденіемъ грознаго Дорошенка. Наслѣдникамъ Павла Чарныша было тогда не до построекъ. Оставляя свое семейство въ старомъ домъ, они сѣвшили на поле чести поддерживать съ мечомъ въ рукъ

мысль того, кто увлекалъ ихъ въ свою партію; и только уже въ послѣдніе годы гетманства Самойловича, сынъ полковника Павла Чарныша принялся за окончаніе начатаго отцомъ его дома, но, не извѣстно почему, не выполнилъ отцовскаго плана и совершенно измѣнилъ предположенную форму. Не смотря однакожъ на это, два поколѣнія фамиліи Чарнышей жили въ немъ спокойно, нисколько не заботясь о томъ, что онъ не похожъ на домъ Хмельницкаго.

Когда жъ сотникъ Чарнышъ, оставя службу, сталъ заниматься собираніемъ матеріаловъ для своей лѣтописи, ему пришелъ на память слышанный еще въ дѣтствѣ рассказъ о томъ, какой домъ хотѣлъ построить его предокъ. Онъ даже припомнилъ данный листъ бумаги съ какими-то узорами, который показывала ему покойная его бабушка, перебирая въ своемъ огромномъ окованномъ желѣзомъ сундукъ разныя платья и «старосѣтскіе» наряды; и хотя онъ совершенно забылъ, чтѣ именно онъ видѣлъ на томъ листѣ, однакожъ, помня, что бабушка при этомъ случаѣ упоминала имя

Хмельницкаго, догадывался, что то именно былъ рисунокъ гетманскаго дома.

Теперь для него эта бумага была бы сокровищемъ неоцѣненнымъ. Но напрасно онъ искалъ ее между фамильными своими документами, книгами и рукописями, напрасно перерывалъ малеванные сундуки, которыми загромождена была его кладовая. Межъ множествомъ старинныхъ кунтушей, сподницъ, реброновъ, и такъ далѣе, не нашелъ онъ ничего подобнаго на предметъ своихъ поисковъ.

Одинъ только разъ сердце его забилось надеждою, когда на самомъ днѣ бабушкина сундука онъ откопалъ какую-то бумагу, завернутую бережно въ кусокъ зеленой шелковой матеріи и перевязанную красною лентою. Дрожащими отъ внутренняго волненія руками развернулъ онъ драгоценную хартію, но, вмѣсто желаннаго чертежа, глаза его увидѣли на ней разрисованный разными красками крестъ въ сіяніи и подъ нимъ золотыми буквами заглавіе рукописи: **СОНЪ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.**

Первый разъ въ жизни нарушилъ онъ благоговѣніе къ этому талисману домовитыхъ людей и съ досадою бросилъ его въ сундукъ.

Между-тѣмъ, по мѣрѣ усиливавшагося убѣжденія въ невозможности найти рисунокъ, возрастало въ немъ желаніе узнать, какой былъ домъ у знаменитаго гетмана. Онъ бы готовъ былъ нарочно для этого поѣхать въ Субботово, но онъ зналъ по исторіи, что еще въ тысяча-шестьсотъ-шестьдесятъ-третьемъ году Поляки не только разорили домъ Хмельницкаго, а даже вырыли изъ земли и сожгли его тѣло.

Казалось, сотнику Чарнышу не оставалось уже никакого средства къ выполненію своего желанія; но своеобразный случай какъ-будто ожидалъ только, пока онъ совершенно откажется отъ своихъ поисковъ. Однажды, разсматривая сборъ стариннаго оружія, накопленнаго его предками въ теченіе полутора столѣтія, онъ, между множествомъ пикалей, кѣлеповъ, списовъ, булавъ, пистолетовъ и сабель, покрытыхъ

равниною и пылью, дошелъ по очереди до одной сабли, отличавшейся отъ прочихъ необыкновенною своею длиною и покрытой чехломъ. Онъ коротко зналъ эту саблю, ибо ее съ незапамятныхъ временъ въ фамиліи Чарныша употребляли при свадебныхъ обрядахъ"; однакожъ онъ захотѣлъ разсмотрѣть ее наново, не найдетъ ли на ней какой-нибудь замѣчательной надписи. Представьте жъ себѣ его удивленіе и радость, когда онъ, снявъ чехолъ, прочелъ на бумагѣ, которою обернуты были дорогіе ножи, слѣдующія слова:.... *А въ томъ покоѣ, гдѣ Ясновельможный (гетманъ) всегда почиваетъ послѣ обѣда, на большомъ дубовомъ себлукѣ, китѣлтомъ церковнымъ изображено тако: Викторія надъ окалкими Ляхами при рѣчцѣ Жостыль-Водахъ сталася, за помощью Божою, И кѣтвилъ, у субботу, въ рѣку АХМИ!*

Не съ такимъ благоговѣніемъ и восторгомъ наслѣдники Данта глядѣли на отыскавшееся неожиданно въ развалинахъ его дома окончаніе *Божественной Комедіи*, съ какимъ сотникъ Чарнышъ на эту хартію,

пожелтѣвшую и выкрошившуюся въ нѣкихъ мѣстахъ отъ времени.

То былъ длинный листъ бумаги, котораго верхнюю часть занималъ рисунокъ дома, сдѣланный грубо, но чрезвычайно старательно и отчетливо; а остальное мѣсто листа на обѣ стороны исписано было изъясненіемъ рисунка и описаніемъ внутренности дома.

Налюбовавшись досыта своею находкою и заучивъ почти на память всѣ надписи и примѣчанія къ дому Хмельницкаго, сотникъ Чарнышъ принялся за выполнение предпріятія своего предка. Нужно было разбирать цѣлый домъ до половины, уничтожить всѣ кровли, крыльца и галерею, покрытыя рѣзными деревянными украшеніями, составившими въ тѣ времена у пановъ малороссійскихъ предметъ особеннаго шегольства въ постройкахъ. На все это рѣшился сотникъ Чарнышъ, не пожалѣвъ даже дубовой галереи, которая по своей отдѣлкѣ считалась чудомъ во всемъ околѣдѣ и съ которой такъ часто, въ минувшіе годы, смо-

трѣлъ онъ на веселые прыжки, оглашавшіе музыкой и радостными кликами цѣлый Воронѣжъ.

Началась работа, и года черезъ два у него явился домъ точно такой наружности и размѣру, какъ былъ когда-то у гетмана Хмельницкаго въ Субботовѣ.

Но напрасно любознательный антикварій-Малороссіянинъ захотѣлъ бы взглянуть на эту историческую рѣдкость, проѣзжая черезъ Воронѣжъ; напрасно сталъ бы спрашивать, кому досталась драгоценная хартія съ рисункомъ и описаніемъ того дома, въ которомъ родился великій мужъ, рѣшившій навсегда судьбу Украины и Польши. До вѣчности глѣтъ, при помощи переворотовъ и пожаровъ, уничтожили неоцѣненное для насъ страсніе, а грубое невѣжество, можетъ быть, истребило или безсмысленно погребло между какимъ-нибудь домашнимъ хламомъ бумагу, которая теперь въ глазахъ истинно образованнаго Малороссіянина не имѣла бы цѣны; и единственнымъ источникомъ для любителей отечественныхъ древ-

ностей осталось, касательно этого предмета, мое сказаніе, которое, «не кою-либо «страстною славницею, но общему побужденный пользою, составихъ. Но буди «убо чтущимъ разумѣти, яко нѣчто адѣ «отъ своего умствованія приложихъ, но «якоже рѣхъ, отъ достовѣрныхъ историковъ написанная и отъ очевидныхъ свидѣтелей сказуемая собрахъ и написанію «предахъ».

ГЛАВА VI.

Потомокъ приходитъ съ благоговѣнiемъ на гробовище своихъ предковъ. Земляныя насыпи ихъ молчаливыхъ кургановъ, прахъ развалинъ ихъ разоренныхъ людьми и временемъ жилищъ—для него драгоценны. Онъ въ каждомъ камнѣ, въ каждомъ слѣду ихъ существованiя видитъ живую букву изъ повѣсти ихъ жизни; онъ переносится душою въ ихъ эпоху, хочетъ по этимъ нѣмымъ остаткамъ видѣть истиннымъ

угадать волновавшiя ихъ чувства, хочетъ слѣться съ источникомъ своего бытiя и хоть единый мигъ прожить одной съ ними душою.

Знаю, что многимъ покажутся скучными тѣ подробности, какими я здѣсь занимаюсь; но знаю также и то, что найдутся люди, которые жадными взорами пробѣгутъ странныя, на конхъ я сохраняю отъ забвенiя несуществующiя уже зданiя, встлѣвшiя или затеранныя хартии, уничтоженныя огнемъ или невѣжествомъ изображенiя, оружье, святотатственно перекованное въ ножи, серпы, топоры, — безцѣнные по своей древности, формѣ и надписямъ утвари, свѣдѣтели дѣдовскихъ пирровъ, варварски истребленныя для «новаго фасону» ¹⁹, и превосходные костюмы, съ такимъ робчествомъ замѣненные тряпками и кургузыми нѣмецкими одеждами. Если изъ десяти моихъ читателей хотя одинъ пойметъ то чувство, которое возбуждали во мнѣ эти безцѣнные слѣды минувшаго,—я доволенъ, я награжденъ вполне за трудъ свой и объ остальныхъ не забочусь.

Укрѣпленный такими мыслями, смѣло начинаю длинный рассказъ о сѣмкѣ съ дома гетмана Хмельницкаго.

Зная, какія носмѣтныя богатства были въ рукахъ гетмана Хмельницкаго, читатель могъ бы не безъ основанія воображать себѣ домъ его если не роскошными, по крайней мѣрѣ огромными палатами. Но когда вспомнимъ, что гетманскій субботовскій домъ построенъ отцомъ его, который владѣлъ одной «Субботовскою слободою», и что домо-строительство тогда не простиралось еще за предѣлы удобства, то ничуть не удивительнымъ покажется, что этотъ домъ ничѣмъ не отличался отъ обыкновенныхъ домовъ стариннаго дворянства средняго класса. Конечно, гетманъ Хмельницкій, послѣ своихъ походовъ во глубину польскихъ владѣній, гдѣ онъ собралъ безчисленныя добычи и контрибуціи, могъ бы выстроить и въ Субботовѣ такой огромный замокъ, какъ въ Чигиринѣ; но вѣроятно, ему тоже дорогá была память предковъ, и онъ огра-

ничился только незначительными передышками, починками и украшениями.

Описывая домъ воронѣжскаго сотника Чарнына, я какъ-будто гляжу на субботовскій домъ Хмельницкаго, несуществующій уже около ста-восмидесяти лѣтъ. Вотъ шесть черемухъ, стоящихъ рядомъ передъ окнами (это было любимое дерево гетмана Хмельницкаго). Немного далѣе, подъ развѣсистую яблоню, вы видите каменное корыто, поддерживаемое тремя львами, которыхъ несоразмѣрно толстыя лапы почти совсѣмъ вросли и со своими пьедесталами въ землю. У каждаго изъ этихъ львовъ во рту по серебряному кольцу **, къ которымъ привязывались лошади старшинъ, прїѣзжавшихъ изъ Чигирина по должности къ гетману, когда онъ проводилъ въ отцовскомъ домѣ нѣсколько недѣль въ видѣ отдохновенія. Вотъ старшинныя низенькія окна съ овальною дугою, съ каменными лутками, съ круглыми стеклами въ дубовыхъ рамахъ, выкрашенныхъ зеленою краскою. Надъ окнами выгипсованы изъ гипсу, попеременно, то бѣгущіе кони, то дымящіяся

пушки, — любимые предметы Богдана Хмельницкаго, проведшаго почти всю жизнь свою межъ пушками и на конѣ. Вотъ толстыя кирпичные упоры, выходящіе широкою пятой впередъ отъ дому. Остатки такихъ упоровъ и теперь еще видны въ Субботовѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ домъ Хмельницкаго. Вотъ тонкая остроконечная башенка, пристроенная уже Богданомъ къ сѣверному углу дома вмѣсто упора и обведенная три раза зубцами. Окна ея такъ высоки и узки, что, въ сравненіи съ грубыми окнами дома, кажутся длинными скважинами. Башенка эта построена по рисунку жившаго при гетманѣ Хмельницкомъ коринесскаго митрополита Иосафата, убитаго впоследствии въ сраженіи подъ Берестечкомъ, и служила для святаго старца моельнею. Вотъ широкое съ двѣнадцатью столбиками крыльцо или, какъ тогда называли, *рундукъ*, занимающій почти треть длины фасада и устланнй каменными плитами, которыя для красоты изсѣчены вымышленными цвѣтами и разными неопредѣленной формы узорами. Надъ крыльцомъ, вмѣсто теперешняго треугольнаго, возвышается обрѣзанный заг-

заками полукруглый фронтонъ, какіе можно видѣть еще и въ наше время надъ придѣлами старинныхъ церквей. Въ этомъ полукругѣ такую жъ, какъ и надъ окнами, гнѣзною работою изображенъ въ барельефѣ медвѣдь, выдирающій медъ изъ улья; нѣсколько разломанныхъ ульевъ валяются у ногъ его, а пасичникъ подкрался сзади къ медвѣдю и замахнулся на него топоромъ. Намъ очень трудно было бы разгадать эту аллегорію, еслибъ вокругъ нея сверху не было надписи: *Що буде, то буде; а буде же, що Богъ дастъ*. Это было главное правило философа Хмельницкаго и девизъ возстанія его противъ Польшы ²¹.

Михайло не смотрѣлъ такъ внимательно, какъ мы, на домъ своего отца: все то, надъ чѣмъ мы останавливаемся и называемъ старинною, для него казалось обыкновеннымъ или было давно уже знакомо. И потому, пока мы успѣли осмотрѣть наружный видъ строенія, онъ прошелъ и рундукъ, на которомъ, въ Субботовѣ, Хмельницкій разговаривалъ со старшинами о войсковыхъ дѣлахъ, и обширныхъ сѣнахъ, въ кото-

рыхъ обыкновенно гремѣла музыка и угощалась свита вельможныхъ пановъ, пировавшихъ вмѣстѣ съ гетманомъ. Но мы не можемъ такъ скоро за нимъ слѣдовать: насъ все останавливаетъ въ этомъ домѣ, образчикъ вкуса и памятникъ быта и понятій отдаленнѣйшихъ нашихъ предковъ. Мы хотимъ продлать возбужденное въ насъ этими древностями какое-то сладостное чувство: оно болѣе чѣмъ исторія, болѣе чѣмъ лѣтописи и пѣсни говорятъ намъ о тѣхъ чудесныхъ вѣкахъ, которые были разъ и уже никогда быть не могутъ.

Передъ глазами нашими, направо, низенькая съ каменными лутками дверь, въ которую Михайло не могъ войти не нагнувшись. Надъ оваломъ этой двери читаемъ надпись: *Богъ намъ приближище и сила*.

Это краткое изреченіе, взятое изъ вдохновеннаго псалма царя-поэта, такъ и вѣетъ на насъ тѣми славными временами высокой религіозности, когда Малороссія совершала крестовые походы противъ католиковъ за утѣсненіе своей вѣры! На разныхъ зда-

пійхъ, на пушкахъ, на знаменахъ, на сабляхъ и мушкетахъ того времени выразилась въ эмблемахъ и подписяхъ мысль, проникнувшая цѣлую націю: крестъ и мечъ—молитва и слава!

Будетъ еще намъ много случася поговорить пространнѣе объ этомъ предметѣ; теперь же, вступая за Михайломъ въ покои сотника сквозь низкую съ высокимъ порогомъ дверь, заставившую его нагнуться, но лишнимъ считаю замѣтить, что встарину вообще въ домахъ двери дѣлались низкія и окна маленькія, чтобы вовремя холоду удобнѣй сохранить въ комнатахъ тепло, которая держится въ высшихъ слояхъ воздуха. Предки наши хотя умѣли переносить непогоду и стужу въ полѣ, зато дома, при отдыхѣ, любили зимою тепло и жертвовали этому другими, могъ важными выгодами. Такъ, на примѣръ, гѣтописи повѣствуютъ, что гетманъ Многогрѣшный, входя однажды въ низкую дверь своего дома, такъ сильно ударился объ косякъ головою, что ушибся до полусмерти².

Мы однакожъ, слѣдуя за Михайломъ, минули благополучно этотъ подводный—камень для головы и теперь стоимъ въ обширной комнатѣ, которая и у гетмана Хмельницкаго въ Субботовѣ, и у сотника Чарныша въ Воронѣжѣ называлась свѣтлицею, что по тогдашнему значило—запа. По говоря о широкой почкѣ, на вразцахъ которой взадъ и впередъ скакали конные казаки; не говоря о старосвѣтскихъ стульяхъ съ высокимъ рѣзными спинками и низенькими ножками, о липовыхъ столахъ на львиныхъ лапахъ, о множествѣ оружія и портретовъ, развѣшенныхъ по стѣнамъ, о цѣломъ иконостасѣ большихъ и малыхъ образовъ въ главномъ углѣ, какъ было и у гетмана Хмельницкаго,—прежде всего я укажу вамъ на одну древность, которая уже не есть снимокъ съ другой. Это—дубовый почерпанный свѣлокъ, перожившій уже три дома,—единственный предметъ, который сотникъ Чарнышъ при перестройкѣ оставилъ неприкосновеннымъ.

Надо замѣтить, для тѣхъ, кому это неизвестно, что въ Малороссіи съ незапамят-

6.

ныхъ времянь ведетсяъ обычай записывать рѣзбою на свѣлокѣ время построенія дома, имя хозяина, любимый текстъ изъ Священнаго Писанія, а иногда и какое-нибудь важное современное происшествіе, на память внукамъ. На средній свѣлокъ, между надписью, вырѣзывается обыкновенно крестъ съ *копіемъ* и *тросцію*. А какъ свѣлокъ меньше всего подверженъ вліянію погоды, то хозяева при перестройкѣ дома употребляютъ старые свѣлоки и передаютъ ихъ съ разными надписями въ потомство, какъ вѣрные памятники старины.

Такимъ образомъ свѣлокъ сотника Чарныша прожилъ болѣе полутора вѣка, видѣлъ Унію, Шведовъ и послѣднее гетманство (три важнѣйшія эпохи въ исторіи Малороссіи), держалъ на своемъ желѣзномъ крючкѣ колыбель прадѣда и правнука. Не долѣя видимой его крѣпости и боясь, чтобъ онъ когда-нибудь не обломился, сотникъ Чарнышъ подперъ его двумя тонкими колоннами, неизвѣстно какого ордена.

Но почему же знать, что этотъ свѣлокъ

видѣлъ Унію?—Не много нужно доказательствъ. Читайте надпись, если только вы въ состояніи разобрать ея титлы и сокращенія: *Миръ Христіанству, а на зачинщика Бога и Его крестъ!* Эти слова были начертаны на кресчатыхъ хоругвяхъ Наливайка въ достопамятной битвѣ при Чигиринѣ, гдѣ Поляки претерпѣли отъ козаковъ ужаснѣйшее пораженіе. Если жъ вы думаете, что эта надпись могла быть сдѣлана позже (недовѣрчивый и пытливый умъ составляетъ достоинство антикварія), вотъ вамъ другая сторона свѣлока: *Во рѣку АФЧЕ, лица КЗ дил, небожчикъ войтъ горонлѣкою ратуши Карно Чарнышъ нача соиздати домъ сей, обаче волею Божію ставшейся на Украинѣ повисехной трегозѣ, на славній биталіи подѣ мѣстоми Чигириномъ успченъ отъ непріятеля во главу, духъ свой Богу предаде. Сестра же его Ганна въ слезахъ и стѣнованіи доконченію дому сему положи и имя брата своего небожчика на семъ свѣлоцѣ изобразила. Помни, Господи, душу раба Твоего Карна!*

На другомъ свѣлокѣ вы видите надпись

уже Богдана Хмельницкаго: *Викторія славаго войска козацкаго запорожскаго надъ несчастнымъ католицизмомъ подъ мѣстомъ Зборовымъ, за помощью Божою, стала съ року АХМѠ, серпня 13 дня, у середу.*

Я ограничусь общимъ замѣчаніемъ, сказавши, что комбаты Хмельницкаго представляли на сволюкахъ своихъ полную хронологию его побѣдъ и что каждая надпись разнообразна была какимъ-нибудь особымъ памятеніемъ выраженія или прибавкою новой фразы, и потомъ укажу вамъ еще на рядъ картинъ и оружія, украшавшихъ стѣны Чарнышева дома. Впередъ—портретъ Богдана Хмельницкаго, въ пернатой шапкѣ и съ булавою, привезенный изъ Субботова полковникомъ Павломъ Чарнышемъ. Далѣе—портретъ гетмана Петра Дорошенка, съ жестокимъ взглядомъ, длинными усами и льнчарской бородою. Далѣе—между двухъ оконъ пукъ оружія, пищака и окровавленные латы полковника Гладкаго, павшаго въ отчаянной битвѣ при защитѣ имъ отъ Поляковъ города Пинска въ тысяча-шестьсотъ-сорокъ-восьмомъ году.

Потомъ большая картина, представляющая казнь несчастнаго мученика гетмана Острицы,—произведеніе грубое, но тѣмъ не менѣе для насъ интересное. Потомъ портреты—наказнаго гетмана Полуботка и генеральнаго судьи Ивана Чарныша, пострадавшихъ въ тысяча-семьсотъ-двадцать-четвертомъ году, по ложному доносу Веняминова и враждъ Меньшикова, отъявленнаго гонителя Малороссіи. Полуботокъ одному только Богдану Хмельницкому уступалъ въ національной выразительности фазіономіи. Лицо Ивана Чарныша было очень умно, но сурово, тѣмъ болѣе, что сохраняло наследственную смуглоту, по которой родоначальникъ этой фамиліи и получилъ, отъ польскаго короля Баторія, названіе *Чарныша*. Потомъ опять оружіе одного изъ прославленныхъ предковъ Чарныша и опять картины.

Михайло не могъ не остановиться въ этой свѣтлицѣ, гдѣ все говорило ему о минувшемъ. Глядя на окружающіе его предметы, онъ вспомнилъ и стародавнія пѣсни, которыя онъ слышалъ на этомъ самомъ мѣстѣ отъ ключника Семена, и рассказы

своего отца, приводившие его въ восхищеніе.

Сотникъ Чарнышъ не безъ особенныхъ намѣреній старался наполнить его голову разсказами и пѣснями о прежнихъ штыбущихъ временахъ Украины, о кровавыхъ войнахъ, происходившихъ на поляхъ ея, о славныхъ вѣззяхъ козацкаго воіска, потрясавшихъ своимъ оружіемъ цѣлыя націи. Этимъ средствомъ онъ хотѣлъ поселить въ немъ пламенную любовь къ родинѣ и въ то же время показать разницу между стариннымъ и современнымъ состояніемъ воіска и его начальниковъ, заставить Михайла презирать военную службу (къ которой Малороссіане получали охоту едва ли не со дня рожденія на свѣтъ) и тѣмъ сильнѣе убѣдить его, что достигать власти необходимо для благотѣльнаго вліянія на дѣла своей родины, но достигать не этимъ путемъ, который, по его словамъ, «встарину былъ главнымъ, а теперь сдѣлался проселочнымъ».

Но онъ ошибся въ своихъ расчѣтахъ. Ему не пришло въ голову, что это чисто-рыцарское настроеніе дѣтскаго ума, при

горячемъ воображеніи, не можетъ идти назначенною колеєю, что оно рано или поздно принесетъ плоды свои, и молодой духъ, презрѣвши всѣ холодные расчѣты, захочетъ осуществлять на дѣлѣ свои мятежныя мечты.

Можетъ-быть, Сотника Чарныша отъ этой мысли отклоняло строгое его понятіе о безусловномъ повиновеніи дѣтей родителямъ, ибо тогда, въ Малороссіи, святость этого долга была еще глубоко выдрана въ сердцахъ людей, такъ что противъ непослушнаго сына, въ повѣрхьяхъ и пѣсняхъ народныхъ, волновалось море, возставала земля, гремяло небо.

Какъ бы то ни было, только Михайло, приближаясь къ дому своего отца, начиналъ уже терять присутствіе духа; онъ не зналъ, какъ ему завести рѣчь съ угрюмымъ старикомъ; онъ медленнымъ, невѣрнымъ шагомъ проходилъ дворъ и каменный помостъ рундука и шпрокія сѣни. Но когда вступилъ въ эту свѣтлицу, гдѣ каждый предметъ былъ для него живымъ воспоми-

написемъ давно испытанныхъ впечатлѣній; когда оглянулся вокругъ себя и обвелъ взглядомъ эти священные надписи, эти портреты славныхъ гетмановъ и полковниковъ, это оружiе, не разъ обрызганное кровью; когда припомнилъ вдругъ восторженные рѣчи своего отца въ виду этого міра старины,—онъ ожилъ, его душа какъ будто разомъ выросла и возмужала; онъ снова почувствовалъ увѣренность въ себя и въ важности своего предпріятія и смѣло, твердой поступью вошелъ въ другую комнату, гдѣ находился его отецъ.

ГЛАВА VII.

Сотникъ Чарнышъ былъ человекъ уже пожилыхъ лѣтъ, высокаго роста, худощавый, съ сѣдыми волосами, подстриженными, по тогдашнему обыкновению, въ кружокъ, и съ бѣлыми повисшими внизъ усами.

Постоянная сидячая жизнь и привычка къ размышленію сдѣлали его нѣсколько скорблѣншимъ и пріучили держать голову

всего наклоненною вперед и глаза потупленными въ землю. Зато всегдашнее увлеченіе славою предковъ, всегдашнія думы о минувшихъ войнахъ и герояхъ древности дали его походкѣ и пріемамъ какой-то торжественный, сценическій тонъ. А какъ онъ ни съ кѣмъ не вступалъ въ обыкновенные повседневные разговоры, не занимался хозяйственными дѣлами, которыя исполнѣ довлѣны были Семену ключнику, и большую часть времени употреблялъ на чтеніе своихъ историческихъ рукописей. Библія и Тита Ливія, то даже рѣчь его усвоила себѣ особенные обороты, длинные періоды и тонъ всегда важный, ораторскій. *Talis hominibus fuit oratio, qualis vita*, говорить Цицеронъ.

Пріѣздъ Михайла, казалось, не удивилъ, ни обрадовалъ его. Онъ съ неизмѣнною важною въ лицѣ протянулъ ему поцѣловать руку и, въ отвѣтъ на его пріѣздъ, ограничился однимъ отрывистымъ, холоднымъ — *Здравствуй!*

Такова встарину была политика отцовъ

къ дѣтямъ. Они считали суровое обращеніе съ ними надежнѣйшимъ средствомъ удерживать ихъ въ безпредѣльной къ себѣ покорности.

Никогда еще лицо сотника Чарныша не казалось Михайлу такимъ строгимъ, никогда не замѣчалъ онъ въ немъ этого грознаго спокойствія, этого выраженія непреклонной воли, передъ которою, повидимому, всякое убѣжденіе, всякая просьба были бы беспильны. Эти глубокія провизательныя очи подъ черными бровями, казалось, знаютъ уже его замыселъ; казалось, въ нихъ готовится уже гроза души суровой, напоенной ядомъ подавленной досады и тоски.

Чувствуя ослабѣвающую въ себѣ силу рѣшимости, Михайло приступилъ къ отцу и разомъ, безъ всякихъ предвареній, объявилъ ему причину своего пріѣзда и просьбу о благословеніи въ походъ.

Произнеся свое признаніе, онъ уже готовился принять на себя бурю отцовскаго гнѣва. Но сотникъ всталъ и, не говоря ни

слова, вышелъ въ «гетманскую» свѣтлицу. Этотъ неожиданный оборотъ дѣла смутилъ Михайла еще болѣе.

Съ замирающимъ отъ страху и неизвѣстности сердцемъ слѣдилъ онъ глазами за своимъ отцомъ, старался по движеніямъ разгадать его чувства. Онъ съ ужасомъ видѣлъ въ немъ всѣ признаки и переходы медленно возрастающей бури, видѣлъ, какъ эта спящая душа постепенно разгоралась и приходила въ волненіе, какъ поминутно приликала краска на блѣдныхъ щекахъ стараго сотника, какъ въ движеніи мускуловъ и дрожаніи сжатыхъ губъ его обнаруживалась мучительная тревога чувствъ, несходящихся для себя словъ и выраженій.

Сотникъ нѣсколько разъ прошелся по свѣтлицѣ и потомъ, остановясь передъ Михайломъ въ грозной позиціи царя передъ виновнымъ подданнымъ, ввергъ въ него свои взоры, которымъ гнѣвъ и тоска придали такое убійственное выраженіе, что Михайло почувствовалъ въ душѣ своей какой-то смертный холодъ и уныніе. Въ не-

побѣдимомъ смущеніи онъ принужденъ былъ отворотить глаза въ сторону.

Передъ нимъ, на освѣщенной красноватымъ свѣтомъ заходящаго солнца стѣнѣ, висѣли портреты двухъ гетмановъ—Хмельницкаго и Дорошенка. Старый Хмельницкій своею важною, патриархальною «визиономіей», казалось, напоминалъ ему о слѣпомъ повиновеніи отцовской власти; но жестокий взглядъ Дорошенка какъ-будто укорялъ его въ малодушіи, какъ-будто напоминалъ, что значить воля козацкая, что значить стать противъ судьбы и всѣхъ ея препятствій!

Этотъ чудесный взглядъ, вѣрно схваченный живописцемъ съ природы, возвратилъ Михайлу присутствіе духа. Онъ уже хотѣлъ обратиться съ убѣжденіемъ къ отцу, какъ-вдругъ громовая рѣчь сотника грянула надъ его головою.

—Рука Господня постигнетъ тебя, сынъ неблагодарный! вскричалъ старый Чарнышъ такъ громко, что эхо прошло по всему

дому, развѣшенное по стѣнамъ оружіе забренчало и сами гетманы, казалось, вздрогнули въ своихъ рамкахъ:—Отяготѣеть на тебѣ страшная десница Его! Тысячи бѣдъ, тысячи несчастій падутъ на твою голову! Будешь скитаться изъ края въ край, и никогда нога твоя не коснется роднаго поприща!... Несчастнѣйшій!... И откуда вошелъ тебѣ въ голову такой законпреступный помыселъ? Развѣ забылъ ты мои наставленія, мои отцовскіе приказанія и совѣты? Развѣ забылъ, что воля родительская есть воля Божія?... Бѣдная тварь! удалился отъ глазъ моихъ, удалился, и чтобъ я никогда тебя не видѣлъ!

Онъ еще раза два пронесся по свѣтлицѣ, съ какими-то страшными, неестественными движеніями, и потомъ, заламя руки, какъ человекъ, вдругъ потерявшій упованіе цѣлой жизни, въ непобѣдимой горести упалъ на столъ передъ иконами и взнемогающимъ, дрожащимъ и плачущимъ голосомъ продолжалъ:

—Великъ на меня гнѣвъ Твой, Господи!

Мало ли несчастій претерпѣлъ я, мало ли потерялъ я и того, что любилъ, и того, что приобрѣлъ по́томъ и кровью! За что жъ посылаешь Ты на меня это новое бѣдствіе, ужаснѣйшее изъ всѣхъ бѣдствій человѣческихъ? За что на моемъ сынѣ Ты хочешь показать примѣръ неслыханнаго, страшнаго грѣха—непослушанія ОЦУ!... Такъ, я чувствую, что долженъ отказаться достигнуть даже черезъ него..... Несчастное твореніе! Еслибъ я надѣялся имѣть съ тебя на старости такую горькую утѣху, еслибъ я зналъ, что такой будетъ плодъ отъ всѣхъ моихъ внушеній и стараній, я зналъ бы, какъ тебя воспитывать! Я задушилъ бы тебя еще въ люлькѣ! Я собственными руками разорвалъ бы на части твое тѣло!

Онъ замолчалъ, и его стоны, тяжкіе, глубокіе, обпаруживали мучительное состояніе раздраженнаго его сердца.

Было что-то ужасное въ этомъ выраженіи неистоваго гнѣва и тоски, въ этомъ сильнѣйшемъ религіозности и варварства, сильной любви и глубочайшаго огорченія! Ка-

залось, не человекъ обитаетъ въ этихъ унылыхъ, какъ гробница, покояхъ, наполненныхъ вечернимъ сумракомъ, сквозь который неясно видѣются пук стариннаго оружія и угрюмые облик портретовъ. Это жилище какого-то мрачнаго духа, обреченнаго на мученія и непріязненнато всему живущему.

Михайло тихо вышелъ изъ свѣтлицы.

— *Помни, Господи, царя Давида и всю кротость его!* сказалъ ему ключникъ Семень, стоявшій въ сѣняхъ подъ дверью съ кувшиномъ въ рукѣ:—Надѣлалъ же ты теперь бѣды, Михайло! Ей Богу, онъ уже лѣтъ десять такъ не сердился, если не считать того разу, когда услышалъ отъ паша судьи, что какого-то жнда сдѣлали полковникомъ. Не знаю жъ, какъ теперь покажется ему и на очи. Хоть же скажи мнѣ, за что онъ на тебя такъ расходился?

Михайло, вмѣсто отвѣта, махнулъ только рукою и пошелъ на другую половану.

—Эге-гэ! говорилъ тихо ключникъ Семень, глядя ему вслѣдъ:—наварилъ же ты, видно, пива, да не скоро мы выпьемъ его и всѣ разомъ... Охъ-оухъ! *помни, Господи, царя Давида и всю кротость его и все терпѣніе его!*

Примѣчаніе. Эти прибавленія, дѣлаемыя Семеномъ ключникомъ къ обычной своей фразѣ, показываютъ, что душа его вышла изъ спокойнаго состоянія. Ключникъ Семень, по общему свойству стариковъ повторять безпрестанно какую-нибудь поговорку, привыкъ такъ часто употреблять свое *Помни, Господи, царя Давида*, что потерялъ уже значеніе этой фразы и выражалъ ею радостныя и печальныя чувствованія, какъ восклицательнымъ междометіемъ.

—Ой пане мой, пане! продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ, положи руку на рукоятку двери:—не захочешь ты теперь не то грушоваго квасу, да и пагѣевского меду! Охъ-оухъ-оухъ! *помни, Господи, царя Давида!*

Между-тѣмъ какъ старый ключникъ Семенъ вздыхалъ и въ то же время размышлялъ о гнѣвѣ своего добраго, но чрезвычайно раздражительнаго, пана, котораго онъ привыкъ любить и бояться въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ,—Михайло отыскалъ въ потемкахъ ту комнату, гдѣ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ своего дѣтства подъ крыломъ нѣжно любимой его матери, и бросился ницъ на постель, будучи не въ силахъ бороться долѣе со множествомъ мыслей и чувствъ, одно другому противорѣчащихъ.

Въ головѣ у него все перемѣшалось. Онъ не могъ ни о чемъ размышлять: думы сами, какъ волны на морѣ, являлись толпами, нестройными, разнообразными, непостоянными,—мѣшались, увлекали его во всѣ стороны; и чѣмъ далѣе, все мутнѣе были ихъ зовъ и неопредѣленнѣе направленіе. Наконецъ глубокій сонъ освободилъ его изъ этого тягостнаго состоянія.

Проснувшись передъ разсвѣтомъ, Михайло почувствовалъ въ головѣ своей совер-

шенную свѣжесть, и происшествія вчерашняго дня живо представлялись его воображенію.

Еслибъ сотникъ Чарнышъ умѣлъ обойтись со своимъ сыномъ иначе, можетъ-быть, онъ успѣлъ бы дать его мыслямъ выгодный для себя оборотъ; но его пзступленіе не только не ослабило рѣшимости Михайла, а еще поселило въ немъ большую прежняго подовѣрчивость къ образу мыслей своего отца. Правда, сотникъ Чарнышъ своимъ фапатизмомъ, своимъ ужаснымъ видомъ и грозною рѣчью смѣшалъ и уничтожилъ его вчера совершенно; но испугъ Михайла былъ временный, и теперь отецъ представлялся ему болѣе жалкимъ, чѣмъ грознымъ, такъ что при мысли покинуть этого одинокаго, несчастнаго старика, въ немъ заговорилъ не страхъ, а сожалѣніе. Невольно вздумалъ онъ о Богѣ, карателѣ неблагодарныхъ дѣтей, и можетъ-быть, эта минута была бы весьма важною въ его жизни, еслибъ на помощь колеблющейся его рѣшимости не подоспѣло воспомнаніе о матери. «Коханный сынъ мой Михайло!

духъ только радостей прошу я у Господа милосерднаго: одной—чтобъ увидѣть тебя на ворономъ конѣ съ острою саблею въ рукѣ передъ козаками, а другой—чтобъ увидѣть тебя съ молодою подругою подъ вѣнцемъ царскимъ ²⁵». Эти немногія слова обожаемой матери сдѣлались для него теперь, при помощи собственной страсти къ войнѣ, священнымъ, непреложнымъ завитомъ, котораго не исполнить казалось ему великимъ преступленіемъ.

Кромѣ того, имѣя въ виду обѣщаніе Крыжавовскаго—сдѣлать его въ *Подцаболдинскомъ* полку сотникомъ и полагаясь на свою неустрашимость и наследственную храбрость, онъ надѣялся, по окончаніи войны, воротиться домой знатымъ старшиною, прославленнымъ всеобщю молвой, и обрадовать неожиданно отца за тѣ горести, которыя причинить ему теперь своимъ непослушаніемъ.

Укрѣпленный всѣми этими мыслями и не подозревая, что единственною ихъ пружиною было его юношеское желаніе ле-

тѣть въ широкій, невѣдомый свѣтъ, Михайло встаетъ съ постели съ рѣшительнымъ намѣреніемъ ѣхать со двора въ ту же минуту.

Мѣсяцъ сквозь окна ярко освѣщала его комнату. Михайло отыскиваетъ фонарь, беретъ возлѣ спящаго Семена ключника ключи и идетъ въ комору, то есть въ кладовую, выбрать себѣ необходимѣйшія для походу вещи.

Въ этой коморѣ, освѣщаемой во время дня однимъ окномъ, съ желѣзною рѣшоткою, прорубленнымъ подъ самымъ потолкомъ,—каждый поворотъ фонаря открывалъ передъ Михайломъ множество разнородныхъ предметовъ, которые мы разсмотрѣли бы теперь съ величайшимъ любопытствомъ, какъ древности, поясняющія больше всего бытъ нашихъ предковъ; но Михайлу было не до того. Быстро пробѣгаетъ онъ глазами висящія по стѣнамъ кольчуги, шишаки, конную сбрую, разнаго рода оружіе, оглядываетъ ящики, бочонки, сундуки, переодѣвается въ новый жупанъ, беретъ еще въ

запасъ дорогую пару платья, выбратьъ лучшую саблю, пистолеты и ружье, находитъ на привѣшенной къ потолку полицѣ въ огромномъ мажоранномъ ковшѣ (употреблявшемся обыкновенно въ свѣтлый праздникъ для пасхи и ея принадлежностей) нѣсколько десятковъ серебряныхъ рублей и выходитъ на широкое подворье.

Мѣсяцъ высоко еще стоялъ надъ горизонтомъ; но на другой сторонѣ востокъ загорался ужé густымъ румянцемъ, и холодный вѣтерокъ, приводя въ движеніе дремящія вѣтви черемухъ, предвѣщалъ близкое утро.

Михайло, по росистой травѣ, идетъ въ конюшню. Конь его заржалъ смутнымъ голосомъ ему навстрѣчу, почуввъ дальнюю дорогу.

Въ душѣ у Михайла какъ-то чудно, ново для него. Онъ не можетъ истолковать овладѣвшаго имъ печальнаго предчувствія, когда отозвался къ нему конь его. Молча, старался пересилить свое безпокойство, вы-

водить онъ его изъ конюшни, кладетъ на него дорогой чарпакъ, затягиваетъ сафьянные ремни серебряными пряжками. Но конь не радъ богатому убору; онъ смутно бьетъ копытомъ землю и ржетъ, поворота голову къ конюшнѣ, будто прощается со своими товарищами.

У Михайла болитъ сердце отъ этого ржанія. Онъ старается успокоить своего друга, гладить, треплетъ его по крутой шеѣ и смотритъ на темныя окна дома, которые на этотъ разъ приняли для него какое-то живое, укоряющее выраженіе, и невольно думаетъ:

— Отчего жъ я уѣзжаю, не прощаясь ни съ кѣмъ, какъ-будто изъ земли непріятельской?... Бѣдный, несчастный мой отецъ!... Я сирота; нѣкому дать мнѣ напутственнаго благословенія!... Но что я говорю? Душа моей матери всегда надо мною. Она молитъ за меня Бога, она благословитъ меня въ далекій путь, на счастье и славу!

Еще разъ обвелъ глазами Михайло длин-

ный домъ съ его широкимъ фронтономъ и тонкою башенкою, увѣчанною легкимъ желѣзнымъ крестомъ, обветшалыя и полуразвалившіяся строения, высокій заборъ, огромные почернѣвшіе ворота съ ихъ чудными пристройками и многочисленными украшеніями, — тяжело вздохнулъ, не зная самъ отчего, и тихо выѣхалъ изъ отцовскаго двора, раздумывая, какими дорогами удобнѣе проѣхать ему къ Гадячу, и старался забыть, что конь его споткнулся, переступая порогъ фортки, — примѣта злобѣщая, по вѣрованію Малороссіянъ:

*Ой радъ бы я, моя нѣти, скорѣйше вернутъся,
Да що съ нѣю одні веронѣннѣй въ порѣгахъ спѣтнулася!*

ГЛАВА VIII.

Весь Воронѣжъ еще спалъ подъ легкими туманами широкихъ ставровъ своихъ. Изрѣдка только въ отдаленныхъ концахъ его отзывалось то пѣніе пѣтуховъ, то ржанье лошадей, пасущихся по пастбищамъ. Но эти слабыя отклики уснувшего творенія не только не разрушали спокойствія и неподвижности цѣлой картины, а служили даже необходимой принадлежностью природы, борющейся съ послѣднимъ сномъ и всякой

мигъ, готовой проснуться, открыть прекрасныя свои очи, заговорить и запѣть тысячами голосовъ.

Когда Михайло приближался къ воротамъ крѣпости, караульный козакъ немало удивился, увидя его на конѣ въ такую пору. Онъ, можетъ-быть, и не пропустилъ бы кого-нибудь другаго черезъ свой постъ, но зная, что Михайло служить въ Коллегіи, гдѣ быть челомъ и его сотенная старшина, козакъ, послѣ минутнаго размышленія, счелъ за лучшее отложить свои права до иного случая, а теперь снять шапку и поклоняться въ поясъ пану сотничѣнку. Михайло отвѣчалъ ему тоже поклономъ и вѣхалъ въ крѣпость.

Крѣпость эта (да будетъ мнѣ позволено сказать объ ней нѣсколько словъ, собственно для жителей мѣстечка Воронѣжа), крѣпость, говорю, эта, отъ которой остались намъ только слѣды, обведена была высокимъ землянымъ валомъ, съ двойнымъ частоколомъ и пушками. Она, при хорошемъ гарнизонѣ, въ военное время могла считаться

значительнымъ пунктомъ, потому что обита была вокругъ водою, и только въ одномъ мѣстѣ, вправо отъ королевской дороги, соединялась съ твердою землею узкимъ перешейкомъ, который перерѣзанъ былъ глубокимъ рвомъ, утыканнымъ на днѣ и по бокамъ крѣпкими дубовыми кольями²².

Начало ея основанію, по преданію старинны, положено въ первые годы семнадцатаго столѣтія, во времена Самозванцевъ, когда волны разнаго сброду людей стремились съ юга на сѣверъ и съ сѣвера на югъ и своимъ бурнымъ теченіемъ сглаживали вогда хутора и цѣлыя деревни. Воронѣжъ былъ тогда расположенъ нѣсколько южнѣе, къ Кролевцу, и окруженъ со всѣхъ сторонъ густыми лѣсами, которые однакожъ не защитили его отъ нашествія разныхъ партій, воевавшихъ не столько за Дмитрія или противъ него, сколько для собственной поживы. Испытавъ отъ этихъ партій нѣсколько разореній, Воронѣжцы (которыхъ тогда было не такъ еще много, какъ нынѣ) рѣшились перенести свои жилища на полуостровъ, лежавшій отъ нихъ къ сѣверу, и,

укрѣпясь на немъ, отразили не разъ набѣги хвщанковъ.

Съ того времени, по мѣрѣ возраставшаго народонаселенія, жители заняли всѣ мѣста между и по-за стѣнами и окружили крѣпость множествомъ сосѣднихъ одна съ другою хуторовъ, разбросанныхъ съ патриархальной простотой и незатѣйливостью по всему тому пространству, гдѣ теперь Тросвящина, Пречѣсчина, Покрѣвщина, Спасчина и Троѣщина. Когда жъ въ тысяча-шестьсотъ-шестьдесятъ-четвертомъ году разнесся во всей Малороссіи слухъ, что король польскій Янъ Казимиръ «съ безчисленными польскими и татарскими силами идетъ руїновать православную вѣру», Воронѣжцы снова принялись за крѣпость, и тогда-то она приняла тотъ видъ, въ какомъ я ее описываю.

Подобные же случаи (замѣчу мимоходомъ) были причиною основанія и множества другихъ редутовъ и крѣпостей, которыхъ остатки такъ часто встрѣчаются въ особенности по Черниговской губерніи. Въ

рѣдкомъ мѣстечкѣ и старомъ селѣ, не то городѣ, вы не найдете мѣста, которое бы-ваетъ часто совершенно гладко и пусто, но въ народѣ слыветъ подъ именемъ *зѣмка*.

Стоя подъ Глуховомъ, Янъ Казимиръ безпрестанно посылалъ въ окрестности своихъ жоліѣровъ и Татаръ грабить деревни и хутора для продовольствія войска. Досталось тогда и Воронѣжу: окрестныя его поселенія были разорены, всѣ съѣстные припасы и скотъ похищены, захваченные тамъ жители уведены въ неволю. Но крѣпость осталась невредимою и не разъ стрѣльбою изъ пушекъ поражала Татаръ, особенно со стороны Кролевецъ, гдѣ построена была надъ воротами каменная башня, уставленная пушками и похожая больше на кусокъ толстой стѣны, чѣмъ на башню какой угодно архитектуры. Она сдѣлана была длиннымъ параллелограмомъ въ три сажени только вышиною, съ крупными зубцами и съ толстыми устоями. Этой принадлежности предки наши не забывали ни въ одномъ каменномъ строеніи, мало заботясь о красотѣ, или вѣрнѣе сказать—вовсе не пони-

мая, въ чемъ состоитъ красота зданія.

Другіе ворота были противъ плотины, отдѣляющей нынѣ Шрамковъ ставъ отъ Пѣшовцева; но здѣсь они состояли изъ одной только каменной арки, вдѣланной въ валъ и называвшейся *брамою*, а башня надъ ними не было. Это вопервыхъ потому, что въ этомъ мѣстѣ передъ крѣпостью вода разлита несравненно шире, а вовторыхъ и потому, что Яна Казимпра ждали не отъ Глухова и дѣлали редуты преимущественно съ южной стороны.

—Но гдѣ жъ теперь обои эти ворота и такая интересная по своей формѣ башня? спросятъ меня, конечно, многіе изъ нынѣшнихъ Воронѣжцевъ.

Васъ, почтенные мои земляки (такъ стану я отвѣчать имъ), долженъ я упрекать въ истребленіи этой почтенной древности, васъ или по крайней мѣрѣ отцовъ вашихъ, которые, при постройкѣ Никольской церкви, разобрали не только драгоценную для антикварія башню, но и множество другихъ

каменныхъ построекъ, служившихъ для сбереженія казны, пороху, оружія и разныхъ военныхъ припасовъ, забывая въ своемъ набожномъ усердіи, что, разбирая тѣ камни, они вырываютъ самые краснорѣчивые ласты изъ исторіи своихъ предковъ.

Для жителей Воронѣжа было бы также очень любопытно узнать о внутреннемъ устройствѣ несуществующей уже своей крѣпости, о старой деревянной церкви Николая, на мѣстѣ которой стоятъ теперь каменная, пожравшая въ себя воронѣжскія древности и убранная отъ верху до низу глупою работою; о погребкахъ и потаенныхъ ходахъ, проведенныхъ подъ валами; о сотенной скарбницѣ, въ которой было много желѣзной сбруи и оружія, прославленныхъ въ бою и хранившихся единственно для памяти. Но, щадя терпѣніе прочихъ чпталелей, я оставляю собранныя мною объ этомъ подробности до другаго случая и обращаюсь къ своему рыцарю.

Выѣхавъ изъ Воронѣжа, Михайло продолжалъ путь свой тихою рысью. Онъ ии-

какъ не могъ разсѣять смутныхъ думъ, овладѣвшихъ его душою. Напрасно ободрилъ онъ себя блпстательными надеждами, напрасно оправдывалъ поступокъ свой самыми справедливыми, по его мнѣнію, причинами. По вычисленіямъ ума, перевѣсъ былъ на его сторонѣ; но сердце говорило свое, и внутренній голосъ былъ не въ его пользу. Наконецъ, послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, онъ убѣдилъ себя, что эти чувства не упреки совѣсти и тѣснятся ему въ душу совершенно по другой причинѣ.

— Можно ли, думалъ онъ:—оставлять родину, ѣхать въ чужую, далекую сторону, неизвѣстно; на долго ли, неизвѣстно, за какою дѣлею, и еще быть веселу?... Но надо только ни о чемъ думать, а то я самъ на себя навожу тоску. Запоемъ лучше какую-нибудь удалую пѣсню, такъ это будетъ покозачки!

Но всѣ пзвѣстныя ему пѣсни вылетѣли, какъ нарочно, на этотъ разъ изъ головы

его. Онъ съ трудомъ вспомнилъ одну, но она начиналась такъ:

Ой у нѣль рѣчка, черезъ рѣчку мѣдна,
Не покидай, пріятель, ты рѣдного бѣтца:
Якъ бѣтца покѣнешь, те и самъ загнешь,
Рѣчьною быстрѣнькою за Дунай залѣнешь....

— Чортъ побери меня и все на свѣтѣ! вскрикнулъ Михайло, потерявшись совершенно:— Неужели я долженъ сойти съ ума!

Въ эту самую минуту услышалъ онъ за собой конскій топотъ и оглянувшись увидѣлъ ключника Семена!

Первымъ движеніемъ Михайла было—бѣжать, но въ тотъ же мигъ онъ перемѣнилъ свое намѣреніе и остался неподвиженъ, ожидая, что скажетъ ему посолъ отцовскій.

Ключникъ Семенъ, остановясь передъ Михайломъ, старался перевести духъ и не могъ начать рѣчи. Онъ только размахивалъ во всѣ стороны руками, держа въ одной нагайку, а въ другой поводья.

Въ его лицѣ выражалось совершенное разстройство, а старыя глаза его блестяли ужасомъ. Михайло ждалъ громовой вѣсти и отчасти отгадывалъ уже ея содержаніе.

Душа Семена ключника на этотъ разъ была потрясена дотого, что, наконецъ начавши рѣчь, онъ перемѣнилъ слова въ той фразѣ, которая слылась навѣки съ его разговоромъ, и, вмѣсто *Помни, Господи, царя Давида*, воскликнулъ съ выраженіемъ славнаго чувства тоски и отчаянія:

— *О Господи! помни царя Давида!*

И потомъ, махнувъ отрывисто рукою, продолжалъ съ тѣмъ же патетизмомъ:

— Пропало все! пропало все!... Шкодѣ и казати! шкодѣ и казати!... Что ты надѣлалъ, голова ты окаянная! Погубилъ ты навѣки свою душу!... *О Господи! помни царя Давида!*

Тутъ онъ умолкнулъ и смотрѣлъ на Ми-

хайла. Михайло смотрѣлъ на него и не смѣлъ спросить, что значать эти восклицанія. Наконецъ ключникъ Семенъ указалъ ему нагайкой на Воронѣжъ. Михайло взглянулъ, и смертная блѣдность покрыла его щоки.

Надъ Воронѣжемъ висѣла туча дыму, и красное пламя огромнымъ столбомъ вставало изъ-за садовъ.

Михайло вспомнилъ тогда, что, торопясь скорѣе выбраться въ дорогу, онъ оставилъ деревянный фонарь въ коморѣ на висящей полницѣ, гдѣ онъ бралъ деньги изъ старо-свѣтскаго ковшу.

Какое-то иѣжное чувство показалось на грубомъ, загорѣломъ и покрытомъ морщинами лицѣ Семена ключника. Онъ обнялъ Михайла съ несвойственною ему горячностью и на глазахъ его показались слезы.

— *Помни, Господи, царя Давида!* сказалъ онъ:— Прощай, дитя мое Михайло! Лучше было бѣ не родиться тебѣ на Божій

свѣтъ!... Я поспѣлъ на рукахъ тебя, я тебя выкормилъ какъ птичку, и мнѣ жъ назначено убить тебя! *О Господи! помилуй царя Давида!* Прощай навѣки! Не будетъ уже для насъ другаго Михайла!

—Что это ты говоришь, Семень? перерываю его Михайло, боясь услышать такъ скоро истолкованіе страшныхъ словъ его:— Что ты говоришь? Мы еще увидимся. Ни кому не извѣстно будущее. Можетъ быть, черезъ годъ нмѣ мое будетъ славою для Воронѣжа....

—Черезъ годъ! черезъ годъ! возразилъ ключникъ Семень, отъѣхавъ отъ него шага на два и качая головою:—*О Господи! помилуй царя Давида!*... Бѣдная, неразумная ты голова! черезъ годъ!... Такъ знай же, несчастная душа, что ты уже не сынъ пана сотника, что онъ отрекся отъ тебя навѣки, что ты никогда уже не увидишь Воронѣжа, что куда ни придешь, съ кѣмъ ни потоваришишь, всѣмъ принесешь одну бѣду и несчастіе и отъ всѣхъ своихъ пріятелей заслужишь укоры и шарканія! Знай,

бѣдное твореніе, что твой родной отецъ передъ всѣмъ народомъ, при заревѣ пожара, цѣловалъ святой образъ, отрекся отъ тебя навѣки и проклялъ твою душу! *О Господи! помилуй царя Давида и всю кротость его и все терпѣніе его!*

И съ этимъ словомъ ключникъ Семень поворотилъ коня и поскакалъ въ Воронѣжъ.

Никакими словами не можно описать того, что было тогда въ душѣ у Михайла. Какъ-бы пронзенный стрѣлою, онъ свалился съ коня и упалъ на траву близъ дороги.

ГЛАВА IX.

Еслибъ я былъ сочинителемъ этой исторіи, никогда бъ не поставилъ я своего героя въ такое мучительное положеніе, или лучше сказать — я, вмѣсто слабодушнаго юноши съ горячей головою и большимъ недостаткомъ опытности, выбралъ бы героямъ своей повѣсти рыцаря, полнаго всѣхъ совершенствъ, какія только можно придумать, неустрашаемаго, храбраго, благороднаго, гениальнаго, однимъ словомъ — та-

кого, какими всегда у насъ бываютъ герои романовъ. Но, къ сожалѣнію, я не романистъ, а только простой рассказчикъ истины, и потому не имѣю права, въ угожденіе чувствительнымъ сердцамъ, смягчать ни одной черты въ грустныхъ сказаніяхъ, которыя предпринялъ «передать грядущему роду, да не придуть въ крайнее забвеніе», какъ говоритъ одинъ почтенный малороссійскій лѣтописецъ. По крайней мѣрѣ воспользуемся правами хоть рассказчика, оставимъ на время несчастнаго мечтателя, который, по естественному стремленію къ свободѣ и воинѣ, заключенному въ духѣ его соотечественниковъ, такъ необдуманно разорвалъ священныя узы отеческой власти, выплылъ безъ весла въ открытое море и теперь самъ не знаетъ, куда и какъ направить свою лодку, — возвратимся въ Глуховъ и посмотримъ, что дѣлаетъ добрый судья и милая Катерина, такъ вѣрно любящая и такъ безжалостно оставленная нынѣшнимъ энтузіастомъ.

Горе женщинамъ, которыя любятъ безумцевъ, неподающихъ прелести домашняго

крова, вѣчно недовольныхъ настоящимъ, вѣчно стремящихся за горчшими мечтами своего воображенія, безразсудно разрывая для нихъ самыя мѣлыя связи, безъ сожалѣнія жертвуя имъ чужимъ и собственнымъ спокойствіемъ!

Разлучась на долго съ родиною и оставивъ дома въ слезахъ любимую женщину, мы, мужчины, не испытываемъ того мученія, какое чувствуетъ она. У насъ, кромѣ любви, есть другія страсти, не менѣе сильныя (да простятъ мнѣ эту истину фавиты и молодыя дамы); наши гражданскія обязанности, труды, опасности и самія непріятности дороги спасаютъ насъ отъ мученій разлуки; и какъ горько мы ни жалуемся иногда на насъ въ своихъ плохихъ сонетахъ и романахъ, а право, размысливъ безпристрастно, легко можно согласиться, что тутъ еще бы иъ изъ-за чего поднимать большаго шума и терзать добрымъ людямъ уши своимъ вздохами, музыкой и стихами. Итъ, если хотите знать, какъ тяжело болить душа послѣ разлуки съ милымъ сердцу существомъ, спросите у жен-

щину. Онѣ полны одной любовью, у нихъ любовь заступаетъ мѣсто всей силы духа и страстей, какими одаренъ мужчина, такъ что переставая любить, онѣ перестаютъ быть женщинами. Спросите у женщинъ, но только у женщинъ, а не у тѣхъ существъ, которыя отличаются отъ насъ только меньшимъ количествомъ физической и нравственной силы и не обладаютъ, въ замѣну того, свойствами, составляющими для гордаго мужчины предметъ идолопоклоннаго обожанія.

Катерина была женщиною по душѣ и по сердцу, въ полномъ смыслѣ этого слова. Она любила такъ пламенно и безпредѣльно, какъ въ нашъ вѣкъ, я полагаю, любятъ уже немногія, — въ этотъ скудный для любви и поэзіи вѣкъ, когда женщины и ихъ души воспитываются въ теплицахъ по заграничнымъ рецептамъ и выпускаются на Божій свѣтъ, валыми и блѣдными, способными болѣе къ обмороку и спазмамъ, чѣмъ къ тому божественному чувству, которое животворило живопись, скульптуру и поэзію Грековъ, которое способ-

150
ствовало къ образованію истинно поэтическаго героизма среднихъ вѣковъ и родило цѣль всего, что есть лучшаго въ душѣ человѣческой,—наши малороссійскія пѣсни.

Катерина любила и, слѣдовательно, страдала. Но чѣмъ бы вы думали она выражала свои страданія? въ чемъ искала отрады и успокоенія своей осиротѣлой душѣ? Тогдашнихъ русскихъ книгъ читать женщинамъ не было возможности; по французски жъ она, къ счастью, не знала. Фортепьяно и визгливые романы въ то время не вошли еще въ употребленіе. Она не побѣжала въ театръ, потому что тогда, какъ и теперь, театра въ Глуховѣ не было. Она не побѣжала и на балъ, какъ это сдѣлала бѣ, для разсѣянія грусти, красавица нашего времени, вздыхающая передъ зеркаломъ по каплямъ-нибудь вортлявымъ аксельбантамъ или любезному сіательству, ускокавшему со скуки за границу. Она разлила свою душу въ пѣсню^ю, самой простодушной, самой наивной, но которая въ соединеніи съ напѣвомъ составляетъ цѣлую балладу, цѣлую поэму чувствъ, поуловимыхъ для пера; ибо

151
малороссійская пѣсня имѣетъ полное достоинство свое только въ устахъ пѣвца. Отнимите у текста голосъ, и останется то же, что останется отъ картины, если отнять у нее колоритъ и освѣщеніе: одинъ бездушный очеркъ, часто даже невразумительный для неопытнаго глаза.

Но какимъ образомъ я могу дать вамъ понятіе о томъ, какъ пѣла Катерина? Съ чѣмъ сравню ея голосъ? Перомъ ли выразить звуки любящей души, которые могли бѣ, казалось, сдѣлать итмымъ рыкающаго льва и размягчить сердце закоренѣлаго злодѣя? И неужели вы думаете, что какое-нибудь прославленное горло страствующей Итальянки можетъ, за золото, произвестъ вамъ что-нибудь подобное украинской пѣснѣ въ устахъ тоскующей Катерины? Тутъ нужна душа, тутъ надо сердце, стонущее звуками, какихъ не можетъ издать ни одинъ инструментъ, ни одинъ страствующій автоматъ.

Я вовсе не привелъ бы вамъ пѣсни, которую пѣла Катерина: безъ голоса вы ни-

когда ее не поймете; но полковой судья, возвращаясь из *присутствія* и проходя садомъ подъ окнами Катерины въ намѣреніи навѣстить ее по своему обыкновенію, услышалъ два стиха ея пѣсни, на которые онъ не обратилъ бы и вниманія, какъ на дѣтскій лепетъ, еслибъ голосъ Катерины не выражалъ ея чувствъ больше, чѣмъ слова. Но ея напѣву онъ понялъ, что эта пѣсня относилась непосредственно къ Михайлу:

Ой засвѣти, милый Пѣжо, да на небѣ свѣтчи.
Летъ нѣтъ нѣмѣй буде плысти Дунай, Быстру рѣчку!...

—Такъ! якъ разъ такъ! сказалъ судья усмѣхнувшись:—ожидай, пока онъ будетъ «плысти Дунай, Быстру рѣчку!» Туда воронъ и костью его не занесетъ. Лучше бы ты, Катерино, вмѣсто Дуная, сказала—*Есмани, Быстру рѣчку*, такъ это было бы правдоподобнѣе. Жаль только, что наша Есмани совсѣмъ не «быстрая», да и «свѣчки» не надо свѣтить: бо хибѣ * нечистый пошесѣ его въ Глуховъ противъ ночи!

* Хибѣ—развѣ.

Все это говорилъ судья, минувши уже окно, у котораго сидѣла Катерина, и мало заботясь о томъ, что дочка не слышитъ его.

—Да, Катерино, сказалъ онъ, входя къ ней въ комнату:—лучше скажи—*Есмани, Быстру рѣчку*.

При этомъ онъ отъ всей души разсмѣялся.

Но мѣшкать замѣтить здѣсь, что полковой судья занимался въ Коллегіи по однимъ судопроизводствамъ. Каждая камера, состоявшая подъ начальствомъ какого-нибудь члена, имѣла другое отдѣленіе, не такъ просторное, но гораздо занимательнѣйшее. Тамъ, вмѣсто готическаго зеркала и книгъ бумаги, строгимъ взорамъ чубатыхъ и усатыхъ юристовъ представлялись разныя закуски: пкра и балыки, только что вывезенные «зъ Дону» какимъ-нибудь чело-битчикомъ или присланные въ подарокъ изъ Сѣчи Запорожской отъ какого-нибудь знакомаго куреннаго отамана²⁷. Между этими лакомствами занималъ не послѣднее мѣсто и

произведенія домашней роскоши: холодная рыба, приготовленная на разные манеры съ искусствомъ, истинно классическимъ, нынѣ забытымъ или потеряннымъ при бѣдственномъ распространеніи такъ нарекаемой европейской гастрономіи; также—привлеченныя грибы, соленые арбузы и рыбки, — любимое у Малороссіянъ предисловіе къ обѣду и приятное услажденіе добродушной бесѣды во всѣ другіе часы дня и ночи, при круговомъ обходѣ дѣдовскаго кубка. Но главнымъ украшеніемъ этой поэтической стороны присутственныхъ мѣстъ были—какъ читатели и безъ меня легко могли уже догадаться—тяжелыя, темныя флаги съ вѣковыми наливками, о которыхъ прошу нынѣшнихъ подагриковъ не судить съ презрѣніемъ, ибо *теперешніе* наливки еще хуже *теперешнихъ* вина. Тутъ же, какъ пальмы посреди благоуханной рощи, возвышались напольненныя пивомъ, медомъ и фруктовыми квасами глиняныя и мѣдныя съ длинными шеями кувшины, которымъ подобныя можно видѣть на картинахъ, представляющихъ домашній бытъ ветхозавѣтныхъ патриарховъ. Славныя юриспруденты, изъ которыхъ каждый,

по мѣрѣ важности и богатства, носилъ въ гаптованномъ золотомъ поясѣ большаго или меньшаго объема брюхо, собирались въ эти елпсейскія поля, граничащія съ судебнымъ адомъ, и между тѣмъ какъ писари ихъ пестрили ржавыми чернилами бумагу, они, подъ радушный говоръ дружеской бесѣды, кушали и попивали не хуже боговъ на Олимпѣ.

Итакъ судья воротился домой совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ являюся передъ своихъ жонъ нынѣшніе чиновники какого-нибудь департамента, измученные тягостною работою, блѣдныя, проголодавшіеся. Въ его взорахъ видно было дозволеніе самимъ собою и людьми; свѣтъ въ это время представлялся ему въ видѣ объемистаго пирога объ руку съ щеголеватой бутылкою, въ кругу милыхъ дѣтей—чарокъ и кубковъ разнаго возраста. Онъ весело побряхтывалъ, стуча сафьянными своими сапогами по бѣлому липовому полу Каторжинной спальни и переваливался съ бока на бокъ, какъ жирная утка.

— Да, да, милая Катя, говорил онъ, подходя къ ней и протягивая руку, чтобъ погладить ее по щеки (любимая его ласка): — Есмась, быстру рѣчку, а не Дунай. Ты уже и зажурилась, моя горлица, tutur mea, какъ говорить бывало другъ мой старый Чарнышъ... Что это? слезы?... Не гнѣви, Катерино, Бога: придетъ еще твоя пора плакать.

— Охъ, милый мой Боже! сказала Катерина вся въ слезахъ, схвативши за руку своего отца и склонясь къ нему на плечо головою.

— Катерино! милое дитя мое! что ты дѣлаешь? Перестань, а-то еще и я съ дуру заплачу, какъ *молодая* подъ покрываломъ.

— Охъ, Боже мой! говорила Катерина, садясь на свое мѣсто и закрывая лицо руками.

— Ну, да чего жъ, скажи ты мнѣ пожалуйста, чего тутъ *Боже мой!* Стоить ли за такими нустиками тревожить Бога? Какъ-будто Ему ничего не остается больше дѣ-

лать, какъ только обвинчать какую-нибудь плаксу Катерину съ какимъ-нибудь вертопрахомъ Михайломъ.

— Обвинчать! повторила Катерина: — сырая земля насъ обвинчаетъ!

И слезы прервали ея рѣчь.

А это изъ-какой пѣсни? сказалъ судья, стараясь засмѣяться, хотя слезы Катерины произвели въ немъ необычайное волнение, какъ-будто падали на его сердце: — Не успѣлъ человекъ выѣхать за городъ, уже и расплакалась, какъ Рахиль по Иосифу. Да уже жъ постой: пусть только прїдетъ; я поспѣшу съ вашей свадьбой; и увидишь ты сама, если онъ не надобѣсть тебѣ въ одинъ годъ хуже горькаго хрѣну. Покойница твоя мать, бывало, безпрестанно гоняетъ меня изъ дому, а бестія хорунжіи... ну, да что объ этомъ вспоминать? Не плачь, Катерино. Завтра жъ онъ явится тутъ. Увидишь, какъ турнетъ его старый сотникъ. То-то будетъ смѣху! Пусть только покажется.

— Не смѣяться уже больше вашей Катеринѣ, батюшка!

— Да ну, пожалуйста перестань, Катю! Ты говоришь это, я увѣренъ, только по своей женской глупости, но такимъ образомъ, что у меня душа не на мѣстѣ, какъ будто подъ Глуховомъ стоитъ сто тысячъ Лиховъ, какъ было за жизни твоего прадеда, генеральнаго судья.

— Ахъ, я хотѣла бы теперь быть глупою и сумасшедшею, чтобъ не знать своей несчастной доли! Михайло не воротится уже къ намъ въ Глуховъ. Онъ поклялся, что никакія угрозы отца не заставятъ его отказаться отъ походу!...

— Чортъ побери всѣхъ этихъ вѣтрогоновъ! воскликнулъ судья:— Еслибъ не ты мнѣ это говорила, никому бы я не повѣрилъ, чтобъ Михайло могъ сказать такіа богопротивныя слова!... Какъ! не послушаться отца!! да гдѣ жъ у него страхъ Божій?

Судья въ сильномъ волненіи прошелся

по свѣтлицѣ. Ему вдругъ представились такія мысли, которыя никогда еще не посѣщали головы его.

Катерина продолжала:

— Да и чего добраго можно было ожидать послѣ того, какъ появилась въ нашемъ домѣ эта зловѣщая птица—Крыжановскій? Гибель Божій тяготѣетъ надъ этимъ грѣшникомъ. Онъ вездѣ, гдѣ ни покажется, приноситъ съ собою одно несчастье.

— Крыжановскій, повторилъ судья въ раздумьи, и какъ-бы винкая въ смыслъ этого слова:— а что жъ тутъ за несчастье намъ отъ Крыжановскаго?

— Ахъ, батюшка! онъ-то и всему злу причиною. Отъ перваго его взгляду у меня заболѣло сердце и до сихъ поръ болитъ. Я знала, что онъ, какъ зараза, не выйдетъ изъ нашего дому не оставивши послѣ себя слезъ и тоски..

— Ты говоришь странныя вещи, Кате-

рвно, сказалъ судья, остановись передъ нею съ выраженіемъ страху:—развѣ онъ какой-нибудь колдунъ или упырь?

—Одинъ Богъ знаетъ, какіе грѣхи лежать на душѣ его. Про это много рассказываютъ наши горожане. Но развѣ вамъ не известно, что онъ обѣщалъ сдѣлать нашего Михайла въ новомъ своемъ полку сотникомъ?

—Такъ и есть! вскрикнулъ судья, вспоминая вдругъ свой разговоръ съ Михайломъ:—Не даромъ онъ такъ заступался за этого жидка! Я было подумалъ, что бѣдное хлопѣ выпило лишнюю чарку меду!

—И вы не ошиблись: этотъ нечестивецъ опьянялъ его своими чарами, обезумилъ его несчастнаго. Онъ говорилъ вчера со мной въ такомъ жару, какъ помѣшанный.

—Такъ и есть! сказалъ судья:—Проклятый антихристъ!... Гдѣ видано, чтобъ безъ нечистой силы такое дѣтя, какъ нашъ Михайло, могло подумать не слушаться отца?

Катерина тихо плакала.

—Однакожъ, Катерина, ты напрасно убиваешься Богъ знаетъ за чѣмъ, говорилъ отецъ, стараясь ее утѣшить, но сомнѣваясь и самъ въ своихъ словахъ:—Михайло хоть и съ горячей головою, какъ и самъ старыи Чарнышъ, но у него душа богобоязненная. Отецъ и мать его происходятъ изъ хорошаго роду, ибо Чарныши и Глѣдкіе всегда отличались въ полѣ храбростію, а дома добрымъ житіемъ съ сосѣдями и самою строгою честностію. Да вспомни жъ еще, каковъ и самъ панъ сотникъ: противъ того вѣдь не такъ-то легко пойти!

—Это я знаю, говорила Катерина:—но я увѣрена, что все сдѣлается по желанію Крыжановскаго.

—Ты увѣрена? сказалъ судья, опять остановившись передъ нею и не находя, чѣмъ утѣшить свою дочку, потому что эти два слова разрушили всю его твердость: Но знаешь ли, что, Катерина? сказалъ онъ, немного ободрясь:—Пусть Михайло даже и

пойдетъ противъ отца, —отъ чего сохрани его Богъ, — пусть даже онъ не воротится и съ походу, — чего конечно не дай намъ Мати Божія! — но развѣ только и жонхонъ тебѣ, что Чагнышенко? Вспомни, что ты не какая-нибудь поповна, а дочь полковаго судьи; одна у отца, котораго дѣдъ былъ генеральнымъ судьей, да еще когда бъ только судьей, а-то судьей Животовскимъ! Это имя чего-нибудь стоить въ Малороссіи! Да тебѣ, Катю, найдутся женихи — полковники, асаулы, хорунжіе генеральные!

—Асаулы генеральные! хорунжіе! сказала Катерина, поднявшись быстро съ своего мѣста съ выраженіемъ во всѣхъ движеніяхъ сильнаго чувства: — И вы думаете, что для меня что-нибудь значить вся эта старшина генеральная!... Итъ, Богомъ и Его Пречистою Матерью клянусь, прибавила она съ особеннымъ одушевленіемъ, обратясь къ иконамъ и положила на сердце руку: — если нечистые чары врага рода христіанскаго отнимутъ у меня, Михайла, одна сырая земля расплететъ мою косу!...

Пойду въ монастырь, и никогда нога моя не ступитъ за порогъ его!

Полковой судья былъ уничтоженъ этимъ монологомъ со всѣми своими попытками на утѣшеніе, котораго не имѣлъ самъ въ своемъ сердцѣ. Вмѣсто всякаго возраженія, онъ махнулъ рукою и ушелъ въ свою комнату.

ГЛАВА X.

Полковой судья провел ночь очень безпокойно, будучи безпрестанно тревожимъ зловѣщими сновидѣніями.

Что же касается до сна Катерины, это извѣстно болѣе полуночному мѣсяцу, чѣмъ нѣтъ, ибо его блестящей лысинѣ, за выслугу лѣтъ, позволено, какъ самому неподозрительному внуку, заглядывать въ окна красавицы даже и тогда, когда онѣ бываютъ

въ самомъ очаровательномъ своемъ нарядѣ, то есть безъ всякаго наряду.

Катерина утромъ не выходила изъ своей комнаты. Судья хотѣлъ, но не рѣшился, съ нею увидаться. Онъ отложилъ это на нѣсколько часовъ, надѣясь, собравшись съ духомъ, придумать что-нибудь къ ея утѣшенію.

Ранѣе обыкновеннаго ушелъ онъ въ Коллегію въ намѣреніи заняться, для своего успокоенія, дѣлами или бесѣдой со своими сослуживцами, которые вообще болѣе любилъ рѣшать участь бутылки и сельдей, чѣмъ участь тяжущихся и подсудимыхъ. Но у самаго входа въ его камеру два казака заступили ему путь, кланяясь въ поясъ.

Одинъ былъ лѣтъ пятидесяти, довольно плотенъ и нѣсколько сутуловатъ; другой—лѣтъ тридцати-пяти съ длинными русыми усами, высокій, съ маленькой головою на длинной шеѣ.

—А что вамъ нужно, козакъ? спросилъ судья, нѣсколько даже довольный, что для него будетъ занятіе, которое потребуешь, можетъ-быть, всего его вниманія.

—Мы къ твоей милости, пане судья, сказалъ, кланяясь снова, старшій козакъ.

—Къ вашей милости, Омелянъ Прокловичъ, прибавилъ отъ себя, также кланяясь, младшій, который вообще въ своей наружности показывалъ не столько сельской простоты, какъ его товарищъ.

—Добре, козакъ, сказалъ судья, входя въ залу и ведя ихъ за собою:—Ну, що жъ у васъ за дѣло?

—Да наше дѣло, пане добродѣю... я хотѣлъ сказать—пане судья, наше дѣло завязалось за дѣдовскіе дубы.

—Наше дѣло о порубкѣ лѣсу, сказалъ младшій козакъ, употребляя канцелярскій терминъ и тѣмъ показывая, что онъ чело-вѣкъ, бывавшій таки межъ людьми.

—Нѣтъ братъ, Опанась; возразилъ старшій козакъ:—не лѣсу: другое дѣло лѣсъ, а пное дубы, да еще дѣдовскіе. За лѣсъ я тебѣ, пососѣдски, и слова не сказалъ бы.

—Такъ онъ, стало-быть, вырубилъ въ твоемъ лѣсу дубы? спросилъ судья.

—Такъ, добродѣю, такъ, пане судья, говорилъ козакъ, кланяясь судѣ въ поясъ:—вырубилъ два дуба такіе, что не обнять и въ два охвата.

—Такъ вотъ-это вы пріѣхали къ намъ за нихъ и позываться?

—Такъ, Омелянъ Прокловичъ! сказалъ младшій, стараясь своею вѣжливостью задобрить судью въ свою пользу.

—А сотенная жъ канцелярія васъ уже судила?

—Судила, пане добродѣю, да ничо́го не враздла, отвѣчалъ другой:—такъ отце вже вдарились до вашон милости.

—Зачѣмъ же было вамъ обоимъ пріѣзжать? Мы отвѣтника потребовали бы послѣ.

—А какъ же, добродію, пане судья, Омелянъ Про...кѣповичъ? сказалъ старшій козакъ:—Мы всѣ живемъ подѣ Богомъ. Я не хочу, чтобъ добрый человѣкъ послѣ на меня нарекалъ, что я въ судѣ наговорилъ на него лишнее. Вотъ я таки, хоть крѣпко на него подосадовалъ за дѣдовскіе дубы, однакожь вчера пришелъ къ нему да и говорю: А що жъ братъ, Опанасъ? запряжемъ лишъ у возъ каждый по коню, да поѣдемъ до Глухова ²². Пускай насъ тамъ разсудятъ, кто правъ, кто виноватъ. Ну, согласились и поѣхали; да уже за однимъ заходомъ, какъ водится межъ добрыми людьми, и колоду пчелъ вашей милости привезли изъ Опанасовой таки пасяки. Не погнушайтесь, добродію, принять безъ гнѣву, а мы уже за колоду межъ собою разквѣтаемъ.

—Добре, сказалъ судья, все добре, панове молодцы. Ну що жъ теперъ ты ска-

жешь, Опанасъ? Нащо ты знѣвечивъ доброму чоловікови два дубы?

—Що жъ, Омелянъ Прѣкловичъ? не во гнѣвъ вамъ-мосци, сами можете разсудить, що Богъ создалъ дубы и всякое древо на потребу всему христіанству, и для Него все равно, кто бъ ни вырубилъ ту пару дубовъ: чи то Опанасъ Грѣчка, чи то Потапъ Карнаухій.

—Видишь, Потапъ, что онъ говоритъ? сказалъ судья, который не могъ съ разу придумать возраженія противъ такого замисловатаго софизма.

—Да вы ёго не слушайте, Прокѣпъ Омеляповичъ, отвѣчалъ простодушно Потапъ Карнаухій:—пожалуй, онъ вамъ наговорить такого, якъ-будто панотѣць изъ книжки послѣ службы! Вы еще не знаете: онъ у насъ письменный на всю губу. Я думаю нѣтъ на свѣтѣ такой книжки, которой бы онъ не разобралъ. Я хотѣлъ бы, чтобъ ваша милость была тогда въ сотенной канцеляріи, когда мы позывались! Тамъ онъ такое за-

говорялъ, что и писарь, и сотенный отманъ, да и самъ панъ сотникъ, руки опустили: не знаютъ, якъ такого письменного чловѣка и судить!

Опанасъ Грѣчка, при этой похвалѣ, самодовольно усмѣхнулся и погладилъ свои пушистые усы; а Потѣпъ Карнаухій между тѣмъ продолжалъ:

—Теперь, пане добродѣю, Прокѣтъ Омеляновичъ, письменныхъ развелось уже столько, що скоро дяки стануть ни по чемъ. Я напередъ зналъ, якá тутъ бѣде менѣ зъ нимъ кумедія. Всѣ сосѣди, да и мои такі домашніе, говорили: «Куды тебѣ, дядко Потѣпъ, тягаться съ Опанасомъ! онъ чловѣкъ письменный, онъ всякіе статуты знаетъ (тутъ судья внимательно посмотрѣлъ на Опанаса Грѣчку, который стоялъ, присягнувшись и заложивъ правую руку за свой поясъ), да онъ изъ тебя тамъ посмѣшище сдѣлаеть». Говорите! думаю я себѣ: вамъ сдается, що и въ Коллегіи, якъ у васъ на крестинахъ, одни смѣхи да баландрасы! И поѣхалъ таки; нехайъ таки и нашихъ зна-

ють; нехайъ бовдаръ Степанъ Журба не каже, що Потѣпъ Карнаухій смпртѣй всякой старой бочки. Просимъ усердно вашей милости, разсудите только, кто изъ насъ правъ, а кто виноватъ, и кому изъ насъ стыдно²⁰; я больше ничего и не хочу.

—Ну, если такъ, сказалъ судья:—то я совѣтовалъ бы вамъ лучше помириться.

—Пельзя, пане добродѣю; не можно ни якою мѣрою, Прокѣтъ Остаповичъ, говорялъ проситель, крутя головою съ тою комическою миною, которая свѣственна только малороссійскимъ простолюдиномъ:—дубы дѣдовскіе. Я и Богъ знаетъ чего не хотѣлъ бы за нихъ. Нужно вамъ знать только, добродѣю Остапъ Прокѣповичъ, одно то, що не будь тѣхъ дубовъ, не було бъ на свѣтѣ и Потѣпа Карнаухого, а ни ёго жинки, а ни ёго дѣтей.

—Какъ же это такъ?

—А такъ, ваша милость, Остапъ Прокѣповичъ. Ось слушайте только, яко тутъ

дѣло было. Се, бачь, теперь у насъ на Гетманщинѣ такъ стало тихо, що нечутно а ни Турка, а ни Татарвы, а ни якого бѣса, oprичъ оттихъ нависноголовыхъ *Гостинцевъ* ²⁰; а въ старые годы, еще за моего дѣда, тутъ, говорятъ, дѣвалось лихо, одво, да и только. Находилъ якій-сь-то круль польскій, щобъ усѣхъ козаковъ повернуть у поганое католицтво. И притягнули они окаянные съ силами неизчислимыми, и облягли Глуховъ...

—А въ Глуховѣ былъ тогда съ войскомъ никто другой, какъ мой дѣдъ, генеральный судья Животовскій, замѣтилъ не безъ удовольствія полковой судья.

—Богъ его знаетъ, кто уже тамъ былъ; это не наше дѣло, сказалъ Потѣпъ Карнаухій.

—Да, да, Омелянъ Прѣловничъ, подхватилъ его ученый товарищъ:—никто другой, какъ вашъ дѣдушка Павелъ Ивановичъ Животовскій, генеральный судья, царство ему небесное, вѣчный покой! И онъ съ

своими козаками славно попотчивалъ подъ Глуховомъ круля польского Яна Казимира! Это было, сдается, въ року тысяча-шесть-сотъ-шестьдесятъ-четвертомъ?

—Именно такъ, сказалъ полковой судья, изглянувши на Опанаса Грѣчку съ особенною благосклонностью.

Однакожь эти свѣдѣнія простаго козака въ исторіи сколько доставили судья удовольствія, столько жъ и раздумья.

—Весьма быть можетъ, думалъ онъ:—что этотъ грамотѣй читалъ отъ нѣчего дѣлать Статутъ Литовскій и, при хорошей памяти, помнить нѣкоторые пункты лучше меня. Правда, какъ мнѣ и помнить, когда я лѣтъ съ двадцать уже въ него не заглядывалъ, судя народъ по закону Божию, то есть по совѣсти, при помощи разсудка и обычаявъ предковскихъ. Что если я не такъ рѣшу дѣло? А гѣнь проклятая рыться!

И между-тѣмъ какъ полковой судья разсуждалъ такимъ образомъ, Потѣпъ Карна-

ухій, не замѣчая, что его не слушаютъ, доказываеъ съ большимъ усердіемъ, почему онъ не существовалъ бы со всей своей фамиліей безъ дѣдовскихъ дубовъ. Но шадъ читателей отъ его слишкомъ краснорѣчивыхъ словозвѣтій и прикрасъ, я сокращу его повѣствованіе, сказавши запросто, что дѣдъ его со своими сыновьями спасся на этихъ дубахъ отъ преслѣдованія Татаръ, которыхъ король Янъ Казимиръ, облегли Глуховъ, посылая въ окрестныя мѣста для грабежа.

— Возьмите немного терпѣнія, панове молодцы, сказалъ судья козакамъ, пока придетъ мой полковой писарь. У него глаза молодые, а я, право, уже мало вижу грамоту. Онъ васъ и разсудитъ. А вы ему не покупитесь поставить полведра меду или тамъ чего-нибудь. Откуда жъ вы сами?

— Да мы, пане, изъ Воронѣжа, отвѣчалъ Цотанъ Карнаухій.

— Изъ Воронѣжа! сказалъ судья, и Михайло тотчасъ представился его воображенію.—

Что жъ у васъ тамъ добраго слыхать?

— Уже такъ, що добрее! Тамъ, пане, бѣда поднялась. Всюды слышишь только плачь да крикъ, бо всѣ парубки и хлопата покидаютъ своихъ отцовъ и матерей и идутъ въ какіе-то проклятыя *Гостинцы*. Ажъ страшно! Ей Богу!... Какъ-будто ихъ нечистая сила несетъ до того Петинбурху. Таки всѣ чпсто хлопцы исчезли изъ Воронѣжа, мовъ-бы, нехай Богъ крые, чума прошла по всѣмъ дворамъ и передушила всю молодежь.

— Или какъ-будто Ангелъ Господень прошелъ по нашему воронѣжскому Египту и поразилъ всѣхъ первенцевъ, сказалъ премудрый Опанасъ Грѣчка.

— Да нехай же и такъ, продолжалъ Потанъ Карнаухій:—только то мнѣ, добродѣю, чудно, що уже нехай бы нашъ братъ, простый человекъ, ткнулся до столицы, щобъ заробитъ копѣйку; а-то всѣ попывчи и панничы туда жъ поволоклись. Сегодня ѣдемъ съ Опанасомъ до Глухова; глядъ—на путивль-

скомъ шляху что-то привѣтное. Я жъ, пока еще разсмотрѣлъ, а Опанасъ и говорить: «Да этожъ нашъ Чарнышѣнко»....

—Какъ? Михайло? и на путыльскомъ шляху? вскрикнулъ судья.

—Такъ, добродѣю, сынъ стараго сотника, на конѣ, и ружье за спиною; а съ нимъ еще какіе-то два бурлаки. Помчались во весь духъ; только пыль закурилась!

—Пропашее дѣло! вскричалъ судья и, схвати свою шапку, выбѣжалъ изъ Коллегіи.

Дорогою однакожъ онъ немного успокоился и размыслилъ хорошенько, какъ поступить ему въ этихъ обстоятельствахъ. Воротаясь къ своей дочери, онъ принялъ на себя, по возможности, спокойный видъ и, послѣ взаимныхъ утреннихъ привѣтствій, сказалъ ей:

—Сегодня, Катю, мнѣ нужно, по казеннымъ дѣламъ, ѣхать въ Гамалѣвскій монастырь. Такъ одѣнься скорѣе: я завезу тебя,

по дорогѣ, къ тетускѣ Тетянѣ Ивановнѣ, что живетъ въ хуторѣ подъ Воронѣжемъ. Она просила меня нѣсколько разъ, чтобъ я привезъ тебя къ ней въ гости. Въ монастырь жъ я пробуду не больше двухъ или трехъ дней и потомъ опять заѣду за тобою. Да тамъ же однимъ разомъ побываю и въ Воронѣжѣ, чтобъ дать вмѣстѣ съ старымъ Чарнышемъ порядочную гонку этому сорвиголовѣ Михайлу, если онъ прежде насъ не поспѣшитъ въ Глуховъ.

Не смотря однакожъ на наружное спокойствіе, судья имѣлъ въ голосѣ и въ глазахъ что-то такое, что Катерина, какъ женщина (а женщины всегда догадливѣе насъ), не могла не проникнуть въ горестную истину. Но, получа отъ природы, вмѣстѣ съ вѣчнымъ сердцемъ, твердость переносить несчастія, или лучше сказать—способность покоряться безъ ропоту горькой своей судьбинѣ,—качество, которымъ можетъ похвалиться не всякъ даже и изъ самыхъ мужественныхъ умовъ,—Катерина не хотѣла увеличивать своимъ рыданіемъ и безъ того сильной тоски любившаго ее до слабости отца, скрыла передъ

нимъ свои чувства и поспѣшила одѣваться, отирая потихоньку неволью капавшія изъ очей слезы.

Черезъ полчаса отецъ и дочь были уже въ дорогѣ и молча катились въ старинномъ рыдванѣ межъ плодоносныхъ полей, разстилающихся свѣжими, волнистыми коврами отъ Глухова до Воронѣжа.

Случно быть въ обществѣ молчаливыхъ, и потому мы можемъ опередить ихъ и познакомиться съ новымъ лицомъ, которое также займетъ нѣсколько страницъ въ моемъ сказаніи.

Тетушка Татьяна или, какъ называли ее по малороссійскому произношенію, *Тетіана* Ивановна была очень почтенная женщина пожилыхъ уже лѣтъ, отличавшаяся болѣе своимъ добродушіемъ и многими любезными свойствами, нежели умомъ. Да и кто требовалъ тогда отъ женщины ума, когда и въ наши времена многіе философы, — а къ нимъ же принадлежу, — утверждаютъ, что умъ въ

женщинѣ, и особенно въ женѣ, самая лишняя вещь?

Она давно уже была свободна отъ супружескихъ узъ, какъ это всякій фзіогномистъ могъ бы легко увидѣть по ея бойкимъ движеніямъ, по ея рѣзкому, мужественному выговору словъ, смѣлости взглядовъ и какимъ-то особеннымъ приемамъ, явно показывавшимъ, что необходимость заставляла ее часто, въ хозяйственныхъ дѣлахъ, исполнять должности, которыя обыкновенно (въ наши времена) выполняютъ съ большою ловкостью и удовольствіемъ нѣкоторые мужчины, особенно отставные подпоручики, поручики и штабсъ-капитаны.

Надобно однакожь отдать ей справедливость, что она не была изъ числа тѣхъ вдовъ, которыя помнятъ своихъ покойныхъ мужей только по трауру, лишаящему ихъ цѣлый годъ удовольствія наряжаться въ бальное платье. Восемнадцать лѣтъ прошло съ того времени, какъ ея тучный Степанъ Степановичъ, объѣвшись блпновъ со сметаною, отправился къ воинственнымъ

своимъ предкамъ; но ея сожалѣніе и вздохи увеличивались съ каждымъ годомъ.

—Охъ-охъ! говорила она по нѣскольку разъ на день, даже когда никто ее и не слышалъ:—Богу угодно было положить предѣлъ, его же не прѣйдеши! Не была бъ я теперь бѣдною сотенною асаулихою, а можетъ-быть полковницею, если не больше! Кто жъ могъ знать волю Божию? Когда я выходила замужъ за своего покойнаго Степана Степановича, можно ли было думать, что такой видный мужчина проживетъ только двѣнадцать лѣтъ и умретъ асауломъ? Казалось, по его здоровью и сложенію, онъ могъ бы дослужиться хоть до гетмана!

Прибавимъ еще къ этому, что тетюшка Татьяна Ивановна вообще любила слушать рассказы о великихъ сановникахъ, знала не хуже любого церемоніймейстера весь этикетъ гетманскаго двора, знала самые древніе обычаи при приѣмѣ иностранныхъ пословъ и вельможныхъ гостей у гетмановъ, помнила множество даже чисто-историческихъ преданій и старинныхъ героическихъ

101
малороссійскихъ гѣсень и чрезвычайно уважала высокіе чины и знатное происхожденіе.

Съ такими почтенными качествами не трудно было ей пріобрѣсть особенное уваженіе и довѣренность своего родственника, полковаго судья, котораго знаменитаго предка она ставила, по воинственному таланту и блистательной храбрости, едва ли не выше Александра Македонскаго.

Приближаясь къ хутору тетюшки Татьяны Ивановны, полковаго судья, при всемъ печальномъ расположеніи души, не могъ не почувствовать особеннаго удовольствія, потому что прежнія пріятныя впечатлѣнія возобновились вдругъ въ его воображеніи при видѣ свѣтлаго пруда, надъ которымъ бѣлѣлъ сельскій домикъ, гдѣ онъ такъ часто проводилъ время въ радушныхъ разговорахъ съ гостепрѣимною хозяйкою.

Не стану описывать буколическаго ландшафта, какой представлялъ этотъ хуторъ со своими неизменными, опрятными хатками, надводными вербами, группами чере-

мухъ, вшень и яблонь; со множествомъ двуногихъ и четвероногихъ животныхъ, пестрѣвшихъ на водѣ и на сушѣ; съ винокурнею, водяною мельницею и плотиною. Скажу прямо, что тетушка Татьяна Ивановна съ высокаго рундука своего увидѣла колесницу, осѣненную облакомъ пыли, сквозь которую она однакожь тотчасъ узнала давно извѣстныхъ ей «строкатыхъ» лошадей, съ огромными хомутами, и еще извѣстнѣйшаго Ивана Шпака, возницу полковаго судьи, съ длиннымъ батономъ въ рукѣ, въ высокой шапкѣ, перекрыленной на бокъ не хуже какъ и у того «воина знаменитаго», что на горбѣ малороссійскомъ.

Оставя всѣ свои занятія, она побѣжала въ спальню, переодѣлась наскоро, какъ только успѣла параднѣе, и, чтобъ почтить высокій санъ своего гостя, вышла своей особою ему навстрѣчу.

Колесница медленно приближалась и наконецъ остановилась на плотинѣ. Татьяна Ивановна приняла своихъ гостей у самой мельницы, осыпала судью комплиментами,

а Катерину ласками, и, помѣстя свою важную особу между отцомъ и дочкою, торжественно повела ихъ во свои палаты подъ соломенною крышею.

Тетушка Татьяна Ивановна не имѣла дѣтей и потому любила Катерину болѣе обыкновеннаго. Ей очень пріятно было это посѣщеніе; она не знала, гдѣ посадить свою племянницу, и только одно почтеніе къ сану судьи заставляло ее по временамъ освобождать печальную дѣвушку отъ своихъ вопросовъ, похвалъ и изъясненій.

—Я надѣюсь, Омелянъ Прокловичъ, сказала она:—что вы съ своею милою перепелочкою прогостите у меня нѣсколько дней?

—Перепелочкѣ я это оставляю на ея добрую волю, отвѣчалъ судья:—а самъ я ѣду, по дѣламъ, въ Гамалѣвскій монастырь.

—И на долго?

—Дня на два.

—И скоро?

—Сей часъ.

—Какъ можно? Гдѣ это выдано?

—Дѣла очень нужныя, Тетяна Ивановна. Нельзя мнѣ замедлить в одного часу. Воротась оттуда, я опять буду вашимъ гостемъ.

Тетяна Ивановна хотѣла было оставить его обѣдать; но судья, не смотря на всѣ ея просьбы, вырвался отъ нея почти насильно и уѣхалъ, но только не въ Гамалѣвку, а въ Воронѣжъ.

ГЛАВА XI.

Полковой судья, вѣзжая въ Воронѣжъ, замѣтилъ въ народѣ нѣкоторое волненіе. Проѣзжая съ возможной быстротою его кривыя улицы и широкіе майданы (то есть площади) ²¹, которыхъ тогда въ Воронѣжѣ было множество, онъ часто встрѣчалъ разной величины кружки, составившіеся то изъ женщанъ, то изъ мужчинъ. Женщины лепетали всѣ разомъ, но изъ ихъ крику нельзя было ничего схватить слухомъ, кромѣ

отрывистыхъ и непопятныхъ восклицаній. Мужчины обнаруживали менѣе живости въ своихъ тѣлодвиженіяхъ и разговорахъ; между ними по большей части ораторствовалъ кто-нибудь одинъ, размахивая медленно руками или нагайкою (оружіе столь же употребительное у Малороссіянъ, какъ и *цѣпѣкъ*, то есть палка); другіе слушали молча, опершись на свои посохи и *батожки*, потупя очи въ землю и покачивая значительно головою.

Еслибъ судья не велѣлъ своему возницѣ Шпаку гнать такъ быстро лошадей и еслибъ вотхозавѣтнѣйшій его рыдванъ не такъ сильно стучалъ, визжалъ и дребезжалъ, можетъ-быть, онъ мимовѣдомъ узналъ бы причину этихъ сходовъ народу. Но, оглушаемый свистомъ Шпака, громкимъ и частымъ хлопаньемъ бича его и стукомъ своей колесницы, онъ изъ всѣхъ кружковъ захватилъ только по нѣскольку фразъ. Однакожъ эти нѣсколько фразъ, при всей своей разнохарактерности, которой и самый смѣтливый умъ не привелъ бы къ одному знаменателю, прибавили тревоги его душѣ, ибо почти въ каждой изъ нихъ было слово *прокляты*, по-

ставленное въ разныхъ наклоненіяхъ и временахъ.

Горестная догадка добраго полковаго судьи оправдалась вполнѣ, когда онъ подъѣхалъ къ жилищу сотника Чарныша. Въ прежнія свои посѣщенія онъ обыкновенно вѣзжалъ къ сотнику въ задніе ворота, ибо парадный вѣздъ, какъ я уже сказалъ, заваленъ былъ камнемъ. Теперь камень былъ откоченъ въ сторону, ворота и фортка отворены, на молчаливомъ прождѣ подворья толпилось множество народу.

Судья съ ужасомъ замѣтилъ еще издали обгорѣлый домъ, изъ котораго судьба пощадила только гетманскую сѣтлицу съ дровникомъ соломою воронѣжскаго войта Карпа Чарныша и башенку коринескаго архіепископа Іоасафата. И эта тонкая башенка, со своимъ высокимъ, легкой формы, желѣзнымъ крестомъ, стояла теперь печально надъ обгорѣвшею румною сотникова дома, какъ памятникъ надъ могилою.

Но полковаго судью больше всего пора-

зило зрѣлище, которое онъ увидѣлъ, протиснувшись въ толпу, обступившую несчастнаго хозяина. Старый Чарнышъ стоялъ посреди набросанныхъ вокругъ него, въ печальномъ безпорядкѣ, разнородныхъ пожитковъ, между которыми больше всего видно было стариннаго оружія и желѣзной сбруи. Тутъ же разставлены были, около сундуковъ, шкафовъ и высокихъ стульевъ, портреты гетмановъ, которыхъ физиономіямъ окружавшая ихъ суматоха и странное смѣшеніе вещей, никогдабъ безъ этого несчастнаго случая нестрѣтывшихся, придали что-то зловещее. На липовыхъ столахъ съ выгнутыми и точеными въ винтъ ножками лежали разныя книги и рукописи, которыхъ пожелтѣвшіе отъ времени листы вѣтеръ перерачивалъ то въ ту, то въ другую сторону, какъ-будто кто-то невѣданный читалъ въ нихъ судьбу людей.

Сотникъ Чарнышъ былъ въ припадкѣ нѣкотораго помѣшательства, и безпорядокъ его костюма, его сѣдые развѣваемые вѣтромъ волосы, блестящіе испуганіемъ глаза, неистовыя тѣлодвиженія и страшныя рѣчи,

составленныя изъ проклятій, библейскихъ изреченій, смѣху и плача, производили на зрителей такое дѣйствіе, что они, по временамъ, съ ужасомъ отъ него отступали; но потомъ сильное любопытство заставляло ихъ приближаться снова, ибо рѣдкій изъ нихъ видѣлъ стараго сотника въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, а для многихъ онъ былъ лицомъ совершенно мнѣческимъ.

Посреди этого прилива и отлива толпы, одинъ только человекъ оставался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ. Это былъ ключникъ Семенъ. Сидя на сундукѣ позади своего пана, облокотясь на колѣни и подперши обѣими руками голову, онъ только изрѣдка покачивался съ выраженіемъ неутѣшной тоски и повторялъ, какъ автоматъ, окончанія фразъ сотника Чарныша.

Если читателя не поняли еще психическаго соотношенія между Семеномъ ключникомъ и его паномъ, я считаю не лишнимъ прибавить, что душа Семена ключника была ничто иное, какъ самое вѣрное эхо души сотника Чарныша; ибо если два су-

щества живутъ нераздѣльно, и притомъ въ удаленіи отъ людей, то слабѣйшее изъ нихъ въ нравственномъ отношеніи—мало помалу принимаетъ вполне типъ сильнѣйшаго характера и относится къ своему образу такъ точно, какъ сургучъ къ вырѣзной печати.

На этомъ основаніи, ключникъ Семень раздѣлялъ не только всѣ радости и печали своего пана, но и всѣ его мнѣнія и предубѣжденія, самыя закоренѣлыя. Казалось, онъ не вмѣлъ ни собственной воли, ни собственного разсудка; казалось, онъ былъ—только животная сторона челоуѣка, а нравственная сторона его, какъ-будто заключена была въ сотникѣ Чарнышѣ.

Полковой судья подоспѣлъ къ самому патетическому мѣсту этой драмы въ натурѣ. Сотникъ Чарнышъ, послѣ своихъ безумныхъ нареканій на Бога и на людей, вдругъ поднялъ къ небу глаза и руки и произнесъ умиленнымъ голосомъ:

—Кто дастъ мнѣ мою воду и очесаи

моими источниками слезъ? и плачуся день и ночь о погибшихъ дочере людей моихъ !!

—И плачуся день и ночь, и плачуся день и ночь! повторилъ Семень ключникъ, покачивая головою:—О Господи! помилуй царя Давида!

—Братъ! Петро! другъ мой любезный! закричалъ полковой судья, выходя изъ толпы и пробираясь съ распростертыми руками, межъ сундуковъ и ратной сбруи, къ сотнику:—Другъ мой милый! какимъ несчастьемъ посѣтилъ тебя Господь?

—Другъ милый? сказалъ сотникъ Чарнышъ, отступая отъ судьи:—какіе теперь могутъ быть друзья, когда родные дѣти покидаютъ отцовъ своихъ?

—Дѣти покидаютъ отцовъ своихъ! тихо повторилъ Семень ключникъ:—Охъ! помилуй, Господи, царя Давида!

—По крайней мѣрѣ мы не должны покидать своего Отца небеснаго, сказалъ су-

дья:—Онъ воротить заблудшую овецъ на путь истинный.

—Воротить? кто смѣетъ это мнѣ говорить? Кто дастъ моему сыну могущество воротиться домой? сыну, котораго навѣки дѣлать отъ родины отцовское проклятіе, какъ огненный мечъ херувима дѣлалъ отъ рая первыхъ грѣшниковъ?

—Боже мой милосердный! Петро, милый братъ! бойся прогнѣвить Бога и погубить навѣки сына такими словами!

—Чего бояться тому, кто не имѣетъ у себя ничего, кромѣ одинокой души въ тѣлѣ, терзаемой мученіями ада? Такъ! я проклинаю его, отрекаюсь отъ него, предаю его бѣдствіямъ жизни и огню геенны, *узломанному діаволамъ и ангеломъ его!* Рука Господня постигнетъ неблагодарнаго сына!

—О, постигнетъ, постигнетъ! повторялъ, какъ злобщее эхо, отуманенный Семень ключникъ:—*Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его и все терпѣніе его!*

—Безумная ты голова, Петро! сказала наконецъ съ досадою судья:—тебѣ бы только быть Запорожцемъ, а не отцемъ семейства! Я увѣренъ, что ты только черезъ свою глупость погубилъ несчастнаго Михайла и собственное спокойствіе!... Безумный, безумный, безумный!

Сотникъ Чарнышъ вспыхнулъ, услышавъ эти слова.

—Адъ и бездна! вскричалъ онъ:—Кто, кто смѣетъ такъ надѣваться надо мною въ собственномъ моемъ домѣ, въ домѣ моихъ дѣдовъ, въ домѣ самаго гетмана Хмельницкаго?... Богданъ! батько козацкій! сказалъ онъ, обращаясь къ портрету Хмельницкаго:—дай мнѣ своей булавы!... Дай! Развѣ не видишь, что мы окружены со всѣхъ сторонъ врагами! Пришла снова *дрижупольская битва* ²⁵! Стой, Семень ключникъ! стой крѣпко! Дай мнѣ предковскую саблю! Кто можетъ побѣдить насъ, когда съ нами Богданъ Хмельницкій?

И, схватя первую попавшуюся ему саблю,

онъ началъ размахивать ею направо и налево съ такою силою, что воздухъ свистѣлъ за желѣзомъ.

—*Не сотвори злоя за блатая!* кричалъ судья, отступая назадъ вмѣстѣ съ толпою:— Погубилъ ты сына, не погуби жъ еще и вѣрнаго друга!

Сотникъ Чарнышъ вдругъ остановился.

—Что это? сказалъ онъ:—*Не сотвори злоя...*? Это мой Животовскій! Братъ мой, милый мой братъ Омелянъ! Все погублю! все пропадетъ! Нѣтъ у меня сына!

И, выпустивъ изъ рукъ предковскую саблю, онъ повалился ницъ на землю.

Ключникъ Семенъ не спѣшилъ къ нему на помощь. Онъ сѣлъ на кованый сундукъ, склонился надъ рукоятку упертой въ землю сабли и говорилъ едва слышнымъ голосомъ:

—Все погублю: нѣтъ у насъ сына! *О Господи! помилуй царя Давида!*

Полковой судья, видя, что нѣтъ никакого средства помочь горестному состоянію души своего друга, удалился отъ него, отирая слезы бѣлымъ платкомъ, на которомъ Катерина вышила краснымъ шелкомъ фантастическіе цвѣты и узоры.

—Эти горячія головы, рассуждалъ онъ самъ съ собою, нѣсколько успокоясь:—въ семейной жизни никуда не годятся: они хороши только съ саблею на конѣ или съ писталлю на запорожской чайкѣ. Я готовъ утверждать передъ цѣлымъ свѣтомъ, что Михайло никогда бѣ не сдѣлалъ этой несчастной глупости, еслибъ старшій Чарнышъ умѣлъ обойтись съ нимъ поотцовски, еслибъ онъ удержалъ его, какъ держали когда-то насъ въ рукахъ покойные батьки наши. И что жъ,—спрашиваю я теперь у кого угодно,—что за польза моему другу Чарнышу изъ его быстрого ума и кипучаго сердца? Про меня всегда говорили недобрые люди, что у меня смѣтливости мало и рука лучше дѣйствуетъ кубкомъ, чѣмъ саблею; но сравнимъ подвѣрку нашей жизни. Я такъ, слава Богу, полковой судья;

а онъ, черезъ свои капризы, только сотникъ. Мокхъ денегъ плохой человѣчина на плечахъ не понесетъ, а онъ всё свои предковскіе рубли и талеры истратилъ на разныя выдумки, какія степенному человѣку не придуть и въ голову. У меня дочка—цѣтокъ на всю Гетманщину, а у него сынъ—выбравшій въ походъ съ проклятіемъ! Охъ, Боже мой! пришла, видно, для насъ година скорби!... Но я докажу вамъ, высокоумные люди, горячій или холодный медъ вкусите. Ты меня, пане Пётре, спасъ когда-то отъ проклятаго аркана татарскаго, а я спасу теперь твоего сына отъ самаго тебя. Я помпрю васъ, я не допущу, чтобъ вы одинъ другаго погубили.

Послѣ такого благоразумнаго рѣшенія, онъ тотчасъ же составилъ планъ, какъ исправить зло, котораго за день назадъ никто не могъ бы и вымыслить. Намѣреніе его было—отправиться немедленно по слѣдамъ Михайла, уговорить его воротиться домой и испросить общими силами прощенье у разгнѣваннаго отца.

Къ этому подвигу побуждали его три причины. Во первыхъ, онъ хотѣлъ возратить своей дочери жениха, во вторыхъ, возратить спокойствіе несчастному своему другу, и въ третьихъ, избавить отъ гибели Михайла, котораго любилъ какъ родное дитя и котораго, по его мнѣнію, отцовское проклятіе должно сдѣлать несчастнѣйшамъ человѣкомъ въ мірѣ.

Итакъ, не тратя времени, онъ отослалъ свой громозвучный рыдванъ въ Глуховъ, изалъ верховыхъ лошадей для себя и для своего возницы Шпака у сотеннаго воеводскаго отамана и отправился въ путь съ возможной быстротою, какую только позволила ему его дородность.

ПРИМЪЧАНІЯ

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИМЪЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Шнуровки эти были паружныя,—родъ корсажа, на груди съ разрезомъ, который перенутывался золотыми шнурами, образующими подобіе золотой сѣтки, изъ-подъ которой видна была бѣлая сорочка. Края разреза украшались галунами или золотымъ шитьемъ. Нарядъ этотъ для глазъ мужичины просто—ненаглядный. Удивительно, почему нынѣшнія дѣвушки, при всемъ стараніи выставить свои прелести въ самомъ обольстительномъ для насъ видѣ, не носятъ такихъ шнуровокъ, а душатъ себя ужасно тѣсными корсажами, забывая, что въ цѣломъ ихъ тѣлѣ нѣтъ ни одной выпуклости столь изощной, какъ грудь, и воображая, что онѣ будутъ страхъ какъ очаровательны, когда талія ихъ, послѣ многихъ мученій въ уборной, станутъ наконецъ похожа на талію осы!—Какъ мужичина самъ по себѣ и какъ представитель многихъ мужичинъ, имѣющихъ одинаковый съ нимъ образъ мыслей, осмѣливаюсь доложить

точайшимъ изъ дѣвъ, что перетиснутыя до варварства ихъ талии, вмѣсто того, чтобъ очаровывать наши взоры, для насъ просто—отаратительны, и прошу ихъ, во имя всего изящнаго, пощадить отъ варварскихъ шурувокъ превосходную скульптуру своего тѣла, которое Творецъ устроилъ съ такимъ совершенствомъ, что кругленькимъ ихъ головкамъ ничего не осталось въ немъ поправлять.

2. Рѣсь въ одномъ архивѣ, я нашелъ реэстръ вещей, «ограбленныхъ разбойниками изъ дому» протопопа Нижнискаго полка, изъ стечка новыхъ Манибѣвъ, Евстаѳа Федоровича, въ 1777 году. Этотъ реэстръ долженъ быть чрезвычайно интересенъ въ глазахъ любителей старины, ибо онъ изъ некоторымъ образомъ характеризуетъ тогдашній бытъ малороссійскихъ пановъ. Прилагаю съ него точную копию.

«РѢСТЪ ОГРАБЛЕННЫМЪ ИЗЪ ДОМУ НОЕГО РАЗБОЙНИКАМИ ДЕНЬГАМЪ.

«КАКІЕ ЖЪ ИМЕЮЩО ДЕНЬГИ И ПОЖИТКИ, КОЛѢКНЫМЪ ЧИСЛОМЪ, О ТОМЪ ЗНАЧИТЬ ПОДЪ СЕМЪ.

«Учениемъ 1777 года марта 2 дня.

«Сребраной монеты денегъ четыре тысячи «рублей. Золотой монеты тысяча-пять сотъ «рублей. Особо жъ того церковныхъ сребра- «ныхъ денегъ семдесятъ восьмиъ рублей и «тридцать една копейка.

«Намисто съ пугвицами смальцевыми. На «опомъ червонцовъ двадцать. На томъ же «намистъ крестъ самой золотой у десять чер- «вонцовъ.

«Дукать золотой у двадцать червонцовъ, «на которомъ съ одной стороны изображено «ковчегъ Ноевъ, а на другой сторонѣ литеры «подписаны.

«Другой крестъ сребропозлащенной съ свя- «тыми мощами; а какіе мощи, понаписываю.

«Ложекъ сребраныхъ четыре дюжины.

«Чарокъ сребраныхъ съ ушками дванад- «цать; позлащенныи около и изнутри.

«Колпаковъ сребропозлащенныхъ большихъ «три.

«Ковшъ сребраной старосвятской. большой «одинъ.

«Чарокъ сребраныхъ бѣлыхъ дванадцать.

«Зъ поповскаго одѣянія.

«1) Раса легкая штофу великой руки, цѣл- «томъ фляжковымъ.

«2) Раса цѣлту гвоздикового люстрина.

- «3) Рясa сукна тонкого кофейного.
- «4) Рясa лисья новая; покрыта канавацемъ «блакитнымъ».
- «5) Рясa блакитной голъ подъ лисями.
- «6) Рясa грезетова, гвоздичного цвѣту; рясми подбита.
- «7) Рясa понелястой грезеты; подбита съ «барками».
- «8) Каѳтанъ блакитного штофу великой «руки».

«Изь женского одянія».

- «1) Кунтушь штофной зеленой разноцвѣтной; кругомъ золотая сѣтка.
- «2) Кунтышь грезетовой зеленой; сѣткою «пестрою кругомъ окладено; зъ закладками «блакитными парчевыми».
- «3) Кунтышь жолтой полутабенковой; закладки парчи жолтой.
- «4) Кунтышь канавацовой коричневой, зъ «золотыми усъ, зъ закладками черными грезетовыми».
- «5) Кунтышь сукна кофейнаго чернаго; «обложено «однотынымъ пузументомъ золотымъ; зъ закладками бархатными красными».
- «6) Кунтушь штофной; поле по канавацу «черномъ къвѣтъ жолтой; подбито хутромъ «лисынь завойковымъ; сѣткою пестрою зо-

- «лото-сребраною кругомъ обложено; зъ усамн».
- «7) Кунтушь люстриной зеленой; подбить «събарками; кругомъ золотою сѣткою и усы «обложено».
- «8) Кунтушь сукна кофейнаго; събарками «подбить; кругомъ обложено пузументомъ «золотымъ однотынымъ; зъ усамн золото-«астрыми».
- «9) Полушубокъ полуретиной зеленой; подбить черными баранками.
- «10) Ребронъ штофу пакетного великой руки «по бѣлому канавацу, разноцвѣтной».
- «11) Ребронъ штофу пакетного жъ великой «руки понелястой».
- «12) Кофта штофу пакетного жъ большой «руки; по бѣлому канавацу красной къвѣтъ».
- «13) Сподицца штофная великой руки па-«кетна, по бѣлому канавацу разноцвѣтная».
- «14) Сподицца зелена венецкой коломайки».
- «15) Сподицца камлотна красна зъ бѣлымъ «къвѣтомъ».
- «16) Шнуровка зеленой люстрины зъ золо-«тою сѣткою».

«Зъ запасокъ».

- «1) Суто-парчева жолтая.
- «2) Чернаго канавацу разноцвѣтна; зъ «сѣткою золотою».

«3) Штосу блакитного разноцвѣтнаго; зъ сѣткою золотою.

«4) Полугабенкова красная.

«5) Канавацова пасмяста.

«Зъ бѣлья, разныхъ полотень, сувоевъ, ска-тертей, ручниковъ, салестокъ, рубашекъ мужскихъ и женскихъ двѣ скрини большихъ «разграбилъ, чего щетомъ и знать не можно.

«Часы серебряны, съ показаніемъ числа, съ «серебряною печатью и позлащенною цепкою, «на которой прицѣпленъ камень аспысовой. «На другой сторонѣ часовъ патреть Госуда-рини Анны Іоанновны изобразенъ.

«Трость золотая московской работы, вся плетъ- «наолоколо дротомъ желтымъ поматеринъ эсленой.

«Поясъ церковной великой руки персид- «скій къвѣтчастый.

«Зъ одѣянія сыновняго молодецкаго.

«1) Кунтушъ сукна сѣтвого перцевого.

«2) Кунтушъ сукна розникового сѣтвого.

«3) Черкеска грезетова красная.

«Кафтамовъ двѣ новыхъ китайскихъ.

«Сыновнихъ денегъ серебряной монеты и «мѣдной сорокъ-три рубли. Казанковъ мѣд- «ныхъ кашеварныхъ двѣ: одинъ въ 10, а «другой въ 5 кварталъ.

«Дочери моеи невольшой.

«Кунтушъ грезетовой блакитной; газомъ «серебрянымъ обложенъ до самого долу; зъ «закладками люстрины гвоздичной.

«Запаска желта голева.

«Голь коричной шапуртище 8 аршинъ.

«Китайю черной двѣ штучки.

«Сѣтки золотой, шириною на три палецъ, «четырь аршинна. Пузументу золотого, на «три палецъ шириною, 3 аршинна.

«Къ сему реестру полку нѣжинского изъ- «стечка Новыхъ-Млинновъ протопопъ Евстаѣій «Федоровичъ подписался.»

3. Хотя Глуховъ принадлежалъ собствен- но къ *Нѣжинскому* полку, но какъ онъ былъ въ то время столицею Малороссіи, то полковникъ и полковая старшина жили по большей части въ немъ, и хоть писались на бумагахъ *Нѣжинского полку*, однакожь въ разговорахъ всегда ихъ называли *глуховскими*.

4. Титулъ *вельможнаго пана* принадлежалъ каждому изъ десяти самовниковъ, составлявшихъ генеральную старшину. Они были: *Генеральные судьи* двѣ, *Генеральный подскар-*

бій, Генеральный писарь, Генеральные эскадры два, Генеральный хорунжий, Генеральный бунжумный.

5. Въ 1664 году король польскій Янъ Казимиръ прошелъ со своею арміею отъ Остра до Глухова всю Малороссію, которую тогдашній гетманъ лѣваго берега Дияпра, Бруховецкій умѣлъ только терзать и грабить, а не защищать, и осадилъ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства городъ Глуховъ, въ которомъ заперся судья генеральный Животовскій съ тремя реестровыми полками: Черниговскимъ, Стародубскимъ и Нѣжинскимъ. «Осада города, (говоритъ архіепископъ Конисскій) была жестокая и продолжительная. Брошено въ него до ста-тысячь бомбъ и гранатъ и сдѣлано нѣсколько приступовъ, но все было тщетно. Осажденные частыми вылазками и нападѣніями на станъ польскій уничтожали все ихъ предпріятія и причинили имъ великій вредъ, истребивъ множество ихъ народа. Наконецъ, простоявъ король подъ городомъ девять недель и не предвидя успеха, снялъ осаду и отступилъ отъ города, услышавъ притомъ, что російскія войски начали собираться».

Другая малороссійская лѣтопись, составлен-

ная въ 1710 году, дополняетъ сказаніе Конисскаго такъ: « глуховскіе козаки, частъ на выпоръ исходячи, много Ляховъ и Памцевъ, не точію подъ градомъ, но и въ самихъ шанцахъ, поражаху, гдѣ король воинства своего премного погубивши, тмъ же путемъ тощъ восвоисн возвратиса.
«Тмъ будучому алу запобвгаючи, оставивъ обозъ подъ Глуховомъ, начать воспятъ уступати; на котораго абіе глуховскіе облеженцы подвигшеса, стали частъ нападати и оставшихся въ обозъ избивати. Таже непоустивши сему со всѣмъ своимъ таборомъ обратиса, оставшиса палубы разграбиша и съ немалою имъ корыстью благополучно во градъ возвратишася».

6. *Сказанія Современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ*, томъ III, стр. 98.

7. Лѣтопись архіепископа Конисскаго извѣстна подъ заглавіемъ: *Исторія Руссовъ или Малой Россіи*.

8. Архіепископъ Конисскій подъ словомъ— *Голштинцы* разуметь волонтеровъ, собравшихся для войны за голштинское наследство.

9. Мне неизвестно, откуда произошел слова—*подцабольдинскій, подцабольдинцы*. Буду очень благодаренъ, если кто-нибудь изъ моихъ читателей объяснитъ мнѣ это письменно.

10. Не смотря на всѣ мои старанія, никакъ не могъ я достать ни фасада, ни даже плана Малороссійской Коллегіи. Самъ я могъ видеть только остатки флигелей, потому что главный корпусъ, къ великому нашему сожалѣнію, разобранъ, говорятъ, лѣтъ 30 назадъ, и изъ его матеріаловъ выстроены теперешнія присутственныя мѣста. Описаніе же, предложенное въ этой книгѣ, сдѣлано мною по рассказамъ одной почтенной духовной особы важнаго сана, которой я приношу при этомъ мою истинную благодарность. Эта особа, между прочимъ, говорила мнѣ, что ей не случалось видѣть подобныхъ зданій даже въ обихъ столицахъ, что по своей «огромности, древнему массивному стилю и множеству «статуй и другихъ наружныхъ украшеній, «это былъ настоящій Вавилонъ». Весьма буду обязанъ, если кто-нибудь изъ моихъ земляковъ сообщитъ мнѣ письменно свои замѣчанія о недостаткахъ моего описанія Малороссійской Коллегіи и другихъ древностей.

11. Многие изъ старинныхъ малороссійскихъ пановъ получали воспитаніе, кромѣ семинарій, также и въ Кіевской Духовной Академіи; и потому тѣ ошибаются, которые думаютъ, что прежняя Малороссія была наполнена круглыми невеждами. То правда, что паны наши не умѣли приложить своей учености къ своему образу жизни и понимали ее въ какомъ-то странномъ смыслѣ, но между ними и въ самыя отдаленныя времена не трудно было отыскать такихъ, которые были знакомы коротко съ греческими и латинскими классиками. За невѣніемъ на это время подъ рукою древнѣйшихъ документовъ ихъ учености, я приведу здѣсь письмо полковника лубенскаго Петра Апостола (меньшаго сына гетманскаго) писанное въ 1745 году къ подскарбію генеральному, Якову Марковичу.

«Сердечный мой братъ и добродѣю!

«Письмо Ваше сердчнаго моего добродѣя съ сообщеніемъ при газетахъ вѣдомости о «щастіи Козы», по дачи мастиности въ сусла-

* Это должно быть напечатанное прозваніе какого нибудь малороссійскаго пана, которому, какъ видно изъ письма, нежелательно было итѣнѣ.

«ство къ намъ прійти живющаго, подано мнѣ
«очень à propos. Когда я читалъ по-ряду въ
«Балзевомъ Дикціонаріи Исторію Руенна,
«котораго происхожденіе такъ казалось мно-
«гимъ въ то время странно, какъ намъ мно-
«гихъ намъ современныхъ слѣное счастье
«есть удивительно, и что тогда Клавдіанъ
«колеблющейся мыслями своими о правдѣ
«судебъ Божіихъ, покаместъ не увидѣлъ
«конца фаворита онаго, рассуждалъ и изо-
«бразилъ стихами, тое жъ всякаго вѣка вре-
«менищамъ аппляковать можно. Стихи же
«тѣ слѣдующаго суть содержанія:

«*Saepe mihi dubiam traxit sententia mentem,*
и пр. (Въ подлинникѣ за этимъ слѣдуютъ
еще двадцать-два стиха).

«Доде Клавдіанъ; я же тому, до кого сіе
«апплякуется, Турецкимъ штилемъ желаю:
«ему же да будетъ конецъ благополучный.

«О пожалованіи товарища нашего П. Ан-
«дрея Горленка чиномъ и деревнями упо-
«ваю, что и вы, мой сердечный Добродѣю,
«сорадуетесь въ разсужденіи его бѣдности и
«доброты сердца. Какъ же то онъ въ томъ
«радостномъ случаѣ чуприну себѣ спереду
«гладилъ и на пальчикатъ подымался! Же-
«далъ бы я притомъ купно съ вами быть и
«хахатать вмѣстѣ.

«Газеты обратно присемъ съ прилогомъ
«4 тома Спектатора посылаю. Впрочемъ по-
«желавъ вамъ моему сердечному добродѣю
«купно съ его супругою и всеми домашними
«счастливого начала и окончанія наступаю-
«щаго новаго года, остаюсь съ совершеннымъ
«почтеніемъ

«Вашъ вѣрноизвѣстный братъ
«и нижайшій слуга
«П. Апостолъ.

«1743 Декабря 26.

«Лубны».

Объ этомъ Петръ Апостолъ пишетъ Энгель
въ своей *Geschichte der Ukraine und der Ukrainischen Kosaken*
(§ 39), что «хотя онъ никогда не путешество-
валъ, однакожъ очень хорошо говорилъ и пи-
салъ полатыни, попольски, пофранцузски,
поитальянски, поитмецки и поруски, зналъ
математику, фортификацію и другія полезныя
науки».

12. Такъ иногда запросто (разумется за-
очно) называли козаки гетмана Давида Апо-
стола.

13. Въ Малороссіи многимъ напитокамъ и
кушаньямъ присвоены названія значитель-

ныхъ людей; такъ, напримеръ, извѣстенъ *борщ-сетмана Скоропадскаго, вишнева гамалиевская* (отъ фамиліи Гамалѣя), *медь палевскій* (по имени полковника Фастовскаго Палѣя) и тому подобное.

14. *Чура* значитъ *слуга*. Слово, происшедшее отъ татарскаго—*джуръ*, *джуръ* (невѣрный). Такъ Татары называли своихъ *слуг-пльничковъ*, захваченныхъ ими во время набѣговъ на Малороссію. Запорожцы, въ отищеніе, дѣлали вторженіе въ ихъ земли и брали въ плѣнъ Татаръ. При разбитіи же *пльничковъ*, они могли называть ихъ *потатарски* и усвоили себѣ слово *джуръ* въ смыслѣ *слуги, невольника*. А какъ изъ языка трудно было выговаривать слово *джуръ*, то они перверотили его на свой ладъ и составили *чурѣ* или *чурѣ*.

15. Село Субботовъ въ Кіевской губерніи, въ шести верстахъ отъ Чигирина,—мѣсто рожденія Богдана Хмельницкаго.

16. *Берлю* (*berlo*)—скипетръ.

17. Еще и теперь въ Малороссіи многіе острѣлые люди держатъ у себя эту виршу

съ тѣмъ изреченіемъ, что она защищаетъ домъ того, кто ее имѣетъ, «отъ всякаго неблагополучія».

18. Въ малороссійской свадьбѣ, когда ведутъ молодыхъ къ вѣнцу, старшая дружка, называемая *свѣтѣлкою*, несетъ передъ ними «старосвѣтскій мечъ», украшенный цвѣтами. Этотъ мечъ, наканунѣ вѣчанья, невѣста кладетъ подъ головную подушку, и изъ сна, который ей въ ту ночь приснится, выводитъ пророчество о своей будущности.

19. Авторъ самъ знаетъ въ Малороссіи нѣсколько древнихъ богатыхъ фамилій, которыя, обладая множествомъ наследственной серебряной утвари и, по своему невѣжеству, не зная ея цѣны, перемѣняютъ въ ложки и тому подобное превосходные кубки венеціанской работы или завитые дѣдовскіе ковши, которыхъ бока украшены безцѣнными для антикварія изображеніями, а берега покрыты самыми характерными надписями. Простой народъ въ этомъ отношеніи заслуживаетъ большаго уваженія: для него память дѣдовъ еще священна и слово *старосвѣтскій* чаруетъ его слухъ. Много я знаю козаковъ, которые держатъ для памяти предковскіе наряды,

серебряныя вещи и оружiе. У одного бѣднаго казака я не могъ купить серебряной чарки за тройную цѣну противъ того, что она вѣситъ. На весь мой убѣжденiя онъ отвѣчалъ мнѣ одно: что этой чаркой пилъ не то правды его, «а мѣже, ще прiащуръ, або и пранрiащуръ»; и признаюся, послѣ этого мнѣ совѣстно было бы искушать его прибавкою цѣны за эту святую для него древность.

20. У нѣкоторыхъ изъ старосѣвскихъ малороссiйскихъ пановъ посреди двора для конюшни стоялъ столбъ, а въ немъ укрѣплены три кольца: одно желѣзное, другое серебряное, третье серебряное позолоченное. Къ желѣзному привязывали лошадей своихъ простые казаки и люди посполитые, къ серебряному имѣлъ право привязать коня всякой шляхтичъ, а позолоченное кольцо назначалось только для лошади какой-нибудь важной особы. Если жъ бы посполитый человекъ или простой казакъ осмѣлился привязать своего коня къ серебряному кольцу, то былъ бы прибитъ панскою дворнею. Въ нѣмыхъ дворахъ эти кольца вбивались въ оконницу, въ нѣмыхъ въ ворота.

21. Можетъ-быть, къ этому изображенiю

подало Хмельницкому поводъ то, что Чигиринскiй подстаростiй Чаплинскiй отвѣля у него «хуторъ съ пасѣкою и млыномъ на урочищѣ Суботовъ», какъ говоритъ одна старинная хроника. Въ той же хроникѣ въ другомъ мѣстѣ сказано, что «Ляхи натрiапили на человека на одного, у котораго «одняли пасѣку, которая всей землѣ Польской начинила бѣды».

22. По ходатайству гетмана правой стороны Дибяра Петра Дорошбика, мстившаго Многогрѣшному за нѣзвическое похищенiе у него гетманства на лѣвой сторонѣ Дибяра, константинопольскiй патрiархъ Пансiй, въ 1669 году, выслалъ на Украину открытую грамоту, отлучающую отъ церкви гетмана Многогрѣшнаго и всѣхъ протѣжниковъ Дорошенка и предающую ихъ проклятию. Эта грамота «надылала много шуму въ Малороссiи»; какъ говоритъ архiепископъ Кошскiй, и ея-то дѣйствию приписывали этотъ несчастный случай, что Многогрѣшный ударился головою объ косякъ и ушибся до полусмерти.

23. Царскимъ вѣнцомъ называется въ Малороссiи вѣнчикъ, который кладутъ на голову

молодому и молодой при обрядъ звичанья.

24. И въ моей фамиліи сохранилось преданіе, что когда одинъ изъ моихъ предковъ, Максимъ Кулзышъ, выступалъ въ походъ, конь подъ нимъ споткнулся въ самихъ воротахъ, и действительно онъ изъ того походу не воротился.

25. Нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, вода, окружавшая крѣпость, во многихъ мѣстахъ совсѣмъ засохла, а потому и топографія того мѣста церсвищилась.

26. Между малороссійскими женскими пѣснями весьма много пѣсенъ *разлучныхъ*, составленныхъ матерью, сестрою, женою, а всего чаще любовницею, по отъѣздѣ казака въ походъ. И теперь еще Малороссіянки, собравшись *глядить дорогу* кому-нибудь родному, ухажившему въ дальній путь, *поютъ* и *визжутъ плачутъ*, ибо эти *разлучныя* пѣсньи суть ничто иное, какъ вопль тоскующаго сердца. Таковы напримѣръ пѣсни:

1.

Ой живу я, живу вѣдь Божою властью,
Ой плачу я и рыдаю по своей несчастью.

Ой плачу, я плачу, свои лѣта мѣрне трачу,
За дробными сѣзонами свѣтовъка не бѣчу. . . .

2.

Ой матюки, да не гай мене,
Въ велику дорогу выривай мене. . . .

3.

Ой чому не пришло, чому не прихвало,
Лѣтъ я тобѣ, серденько, велгалъ?
Чи коня не насаи, чи дорожки не знаеишь,
Чи матуся вѣать не заслава?

4.

Нѣмъ короны изъ дубровы, и ошкни зъ вола;
Выидкала кары очи край козка стоя:
Ой кудмъ жъ ты одѣжишь, сизонимый орле?
Ой хто жъ мене да бѣзъ тебе къ серденьку пригорне?

5.

Ой где козѣкъ да дорженюкою,
Сѣзонами уммається:
Де-сь мой весняа, де-сь мой старенька
Да за нибю убивається!

И прочая, и прочая, и прочая. Вся эти *разлучныя* пѣсни сочинены, я полагаю, женщинами, а отнюдь не мужчинами. Они отличаются особенною силою чувства въ своемъ напѣвѣ и словахъ, такъ что уступать только развѣ тѣмъ, въ которыхъ «плачетъ мать, во дни печали, о смирѣ, падшемъ на войнѣ» или убивается любовь, знавшая блаженство

200
только на мигъ и потомъ лишившаяся его навсегда.

27. Запорожье славилось произведеніями этого рода, вело ими обширную торговлю и часто обсылало подарками не только пановъ, жившихъ на Гетманщинѣ, но и петербургскихъ своихъ протекторовъ. Любопытно читать указавшія отъ истребленія описки подобныхъ посылокъ. Напримѣръ:

«Ревствѣ, * что зъ посланныхъ гостинцей въ Кіевъ надлежитъ отдать и зъ собою въ Кіевъ въ возка взять.

«Господни губернатору Костюрину лисницъ 6, баликовъ 4, осетровъ 2, и письмо.

«Кіевскому секретарю Алексію Фотьеву лисницъ 5 и письмо.

«Кіевскому канцелярису Козлову лисица 1, осетеръ 1, безъ письма.

«Въ Глуховѣ:

«Господни писару Безбородку короповъ 30,

* Посланный отъ Козма Запорожскаго въ 1757 году чрезъ войскового дѣятели Григорія Шкитова, отправившаго въ Петербургъ за жалованьемъ.

201
«шукъ 15, баликовъ 4 да рыбичаго масла
«суденце одно и письмо.

«Въ Санктпетербургѣ.

«Надежитъ отдать гостинцы, а именно:

«Князю Трубецкому короповъ 10, баликовъ 10, лисницъ 10, и письмо.

«Графу Воронцову короповъ 10, баликовъ 10 и письмо.

«Сенатскому секретарю Пуговишкину лисницъ 5, баликовъ 2 и письмо.

«Регистратору сенатскому Латвицу лисницъ 2, баликовъ 2 и письмо.

«Сенатскому канцелярису лисица 1 безъ письма.

«Струтинскому (переводчику) короповъ 2, баликовъ 2 и письмо.

«Троицъ преосвященнымъ, с. петербургскому, реванскому и тверскому, три бочонка соку лимоннаго и три письма.

«Двоя архимандритамъ, доискому и тронцъсергіевскому, два бочонка соку и два письма.

«Третому архимандриту Футинскаго монастыря Юсифу осетеръ 1, баликовъ 2 и письмо.

«Отцу Кириллу, Алексія Григорьевича Разумовскаго канцеллиу, въ Апличковскомъ

«домъ, короповъ 2, балникъ 1 и письмо.

«Варлааму Григорашу, въ Певскомъ монашестве, 2 балника и письмо.

«Таможь еромонаху Сильвестру балниковъ 2 и письмо. Таможь Иоанкиію Святковскому «балниковъ 2 и письмо.

«Въ кадетскомъ корпусѣ іеромонаху отцу «Кириллу іеродіакону Наркизу Сивавскому «балникъ 1 и письмо.

«Войсковому товаришу Стефану Рудъ, который ежели есть, посылается ему коропъ 1 и сомъ.

«Совѣтнику Иностранной Государственной «Коллегіи Михаилу Новоторжцеву 1 лисица и 1 осетеръ.

«Кременчугскому директору (Тимофьеву) 1 лисица и 1 осетеръ.

(Исторія Новой Сѣчи, или послѣдняго Коша Запорожскаго, соч. А. Скальковскаго. Одесса, 1841, стр. 400).

Кромѣ этихъ подарковъ отъ войска были подарки отъ кошеваго и писаря отдѣльно:

«Отъ г. кошеваго духовникови—2 коропа и 2 шуки да визники 2 пучка.

«Струтинскому да Кириллу, капеллану Але-

«ксія Григорьевича, по 2 коропа да по 1 шуку и по 2 пучка визники.

«Вышеописанному Стефану Рудъ послано отъ г. кошеваго красніе чоботи.

«Архіереямъ и архимандритамъ всѣмъ и прочимъ іеромонахамъ, по усмотрѣнію вашему (послаца, войсковаго добыща), 10 пучковъ, каждому по одному, визники посылается.

«Отъ г. писаря о. Варлааму да Святковскому по два коропа при письмахъ.

(Тамъ же, стр. 401.)

Кромѣ означенныхъ подарковъ посылались вельможамъ петербургскимъ отъ кошеваго и товариства—лошади и пазыные арапы.

(Тамъ же, стр. 401—402.)

28. Это не выдумка: дѣйствительно встарину часто двѣ тяжущіяся стороны ѣзжали въ судъ въ одной повозкѣ и на общихъ лошадяхъ. Объ этихъ примѣрахъ истинно патріархальной простоты нравовъ и добродушія помнятъ еще и нынѣ въ Малороссіи, гдѣ въ наши времена страсть къ абеданъ и таббанъ развилась до высшей степени.

29. Отголосокъ стариннаго русскаго за-

кома, сохранившася въ идеѣ народа чрезъ нѣсколько вѣковъ.

30. Онъ хочетъ сказать—Голштинцевъ. Голштинцевъ по русски значить—подарокъ.

31. Майданомъ называется въ Малороссіи еще то мѣсто, гдѣ выдѣлываютъ деготь и смолу. У Сербовъ майданъ значить—площадь и рынокъ.

32. Книга Пророка Іереміи, гл. ІХ, ст. 1.

33. Эту удивительную, по неравенству силъ, битву происшедшую въ 1655 году, архіепископъ Комискій описываетъ такъ:

«Хмельницкій, обезспланивъ армию свою отдельными корпусами (то есть рассылкою отдельныхъ корпусовъ въ разные пункты противъ непріателя), выступилъ изъ-подъ Заславя и, поспѣвая къ Бѣлой Церкви, атаковать былъ соединенными непріательскими (польскими и татарскими) силами въ урочищѣ, такъ послѣ названномъ, Дрижицполѣ. Непріатели, обрадовавшись, что наши Хмельницкаго въ малыхъ силахъ, и бывши на него злобы до наступленія, на-

пали на козачковъ со всѣхъ сторонъ безъ всякаго распоряженія, а только надѣясь на свое многолюдство. Хмельницкій, ведя себя въ войнѣ всегда осторожно, сбѣжалъ войски «завременно и сбѣжалъ съ нихъ батовую (т. е. карѣ), а допустя непріателя въ самую близкую дистанцію, выстрѣлилъ по немъ изъ пушекъ и ружьевъ такъ удачно и жестоко, что повалились вдругъ изъ толстыхъ непріательскихъ кучъ цѣлыя тысячи. Непріатель, «образумясь отъ своего пораженія, сталъ про-должать напускн свои отдаленнѣе. А гетманъ, между-тѣмъ, повелѣвъ собрать тѣла «побитыхъ непріателей, сбѣжалъ съ нихъ обширный и довольно возвышенный ретраншментъ и такъ, укряпившись собственными непріательскими тѣлами, поражалъ «изъ-за нихъ приближающагося испріателя, «какъ изъ крѣпости, ожидая притомъ помощи отъ боярина Бутурлина и отъ своихъ «корпусовъ, коп о впаденіи непріателя и «объ осадѣ его (Хмельницкаго) въ малыхъ «силахъ довольно знать могли. Но какъ таковой помощи ни откуда не бывало, а въ «провіантѣ и фуражѣ сбѣжался крайній недостатокъ, да и стужа зимняя стала уже «несносною, ибо сіе происходило въ послѣднихъ числахъ декабря мѣсяца; то рѣшился

«Хмельницькій пробитися сквозь неприятели
«силою и освободитися отъ его осады. Пред-
«приятіе сіе сдѣлано ночью. Войски козацкія,
«построившись фалангою съ легкою артилле-
«рією, подошли къ неприятели тѣхими ша-
«гами и, заставъ ихъ, сидящихъ большими
«кучами при огняхъ, отъ которыхъ обыкно-
«венно въ сторонѣ ничего не видно, ударили
«на нихъ во всей опростчивости (быстротѣ)
«и побили ихъ цѣлыя тысячи почти безъ
«обороны. Произведенный при семъ громъ
«пальбы и крикъ народный застаили прет-
«чаго неприятели вооружаться къ оборонѣ.
«По фаланга козацкая, очистивъ уже себѣ
«пространный путь, довольно удалилась отъ
«него (неприятеля) въ полномъ порядкѣ и
«пошла въ Белоцерковщину благополучно».

Конецъ первой части.

О П Е Ч А Т К И .

Стр.	Стр.	Печатанно	Должно быть
134	6	грибы	грибы
149	4	ваги-мосци	ваги-мосци.
182	13	новыхъ Мамновъ	Новыхъ Мамновъ
188	14	Кописскій	Кописскій
192	3	Бѣглемъ	Бѣглемъ
194	11	вторженіе	вторженіа
—	19	Субботовъ	Субботова
203	15	арапы	Татары
201	7	площадь и рынокъ	мѣсто мискина

Acme
Bookbinding Co., Inc.
100 Cambridge St.
Charleston, MA 02129

Digitized by Google

«Хмельницкій пробиться сквозь неприятеля
«силою и освободиться отъ его осады. Пред-
«приятіе сіе сдѣлано ночью. Войска козацкія,
«построившись фалангою съ легкою артилле-
«рією, подошли къ неприятелямъ тихими ша-
«гами и, заставъ ихъ, сидящихъ большими
«кучами при огняхъ, отъ которыхъ обыкно-
«венно въ сторону ничего не видно, ударили
«на нихъ во всей опрочетчивости (быстротѣ)
«и побили ихъ цѣлыя тысячи почти безъ
«обороны. Произведенный при семъ громъ
«шальбы и крикъ народный заставили прот-
«чаго неприятеля вооружаться къ оборонѣ.
«По фаланга козацкая, очистивъ уже себѣ
«пространный путь, довольно удалилась отъ
«него (неприятеля) въ полномъ порядкѣ и
«пошла въ Бѣлоцерковщину благополучно».

Конецъ первой части.

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	Стр.	Напечатано	Должно быть
134	6	грыбы	грибы
149	4	вань-мосци	вань-мосци.
182	13	новыхъ Малювъ	Новыхъ Малювъ
188	14	Кописскій	Кописскій
192	3	Бельево	Бельево
194	11	вторженіе	вторженіе
—	19	Субботовъ	Субботовъ
203	15	арпы	Татары
201	7	площадь и рынокъ	мѣсто мѣстности

Ч. 1.

Acme
Bookbinding Co., Inc.
100 Cambridge St.
Charleston, MA 02129